

Елена Амелина

*Не просто
о любви*

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Елена Амелина

Не просто о любви

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Амелина Е.

Не просто о любви / Е. Амелина — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Успешная, но одинокая бизнес-леди, решившая отдохнуть от повседневных проблем на модном курорте, сама того не желая, оказывается между двумя социальными табу: женатым любовником, который не торопится бросить семью, и парнем моложе ее на пятнадцать лет... Он ищет ее повсюду и находит по одному только запаху, как зверь. Она – тепличное растение, оказавшееся вдруг на ледяном сквозняке бескрайней тайги. Он – тьма, она – свет. Уступить – значит сдаться. Содержит нецензурную брань.

© Амелина Е., 2015

© ЛитРес: Самиздат, 2015

Отпуск

Глава первая

День первый

«Какого черта!» – подумала Олеся, швыряя чемодан на цветастое покрывало двуспального сексодрома, отдаленно напоминающего кровать. В зеркале туалетного столика меж ярких экзотических бутонов отразилось ее бледное московское лицо.

Теплый морской ветерок приветливо пошевелил москитные сетки на окнах, ласково обмел голые Олесиные ступни, прошелся по волосам и утих где-то в глубине распахнутого гардероба, побренчав немного вешалками. «В конце концов, я заслужила право на отдых», – продолжала она, решительно вытаскивая вещи из чемодана и с остервенением рассовывая их по шкафам.

К сожалению, и огромная кровать, и набор «фрукты-шампанское» для молодоженов и даже приветственная открытка, – все кричало ей о провале этого самого отдыха. Еще каких-нибудь два дня назад все было чудесно, и они с Андреем строили планы, мечтали, любили друг друга.

Насыщенный, точно старомодная синька, морской горизонт с его простором и многообещающим призывным зовом ветра и волн, под который, Олеся это знала, так хорошо заниматься любовью и так уютно потом покоиться на любимой груди, неспешно разговаривая о чем-то, обсуждать планы на завтра или мечтать, он, этот горизонт, был теперь насмешкой над ее фантазиями и желаниями, взлелеянными в течение долгой московской зимы, когда солнце кажется призраком, а весна – несбыточной надеждой.

Она, по своему обыкновению, долго готовилась к этой поездке. Заранее купила тур, с особым тщанием придирчиво выбирала отель и рейс, желая угодить любимому, а после еще носилась по бутикам в поисках волшебного купальника, скрывающего недостатки фигуры и подчеркивающего ее достоинства. Любая женщина знает, какая это непростая задача – нравиться себе в зеркале, да еще и в полуобнаженном виде. Особенно если тебе за сорок.

Андрей, казалось, был доволен. Он не возражал против Олесиной заботы и даже высказывал некоторые пожелания, которые Олеся, разумеется, не могла не учесть в своем стремлении сделать ему приятное. Все было готово и продумано. Кони, как говорится, стояли под седлом.

И вот теперь – одиночество на самом краю земли, в раю, где самим богом и рекламой надлежит любить друг друга сутки напролет, изредка выползая на пляж, чтобы и там, уединившись, целоваться, захлебываясь морским прибором.

Олеся уже жалела, что приехала. Она с большим удовольствием осталась бы на фирме и, загрузившись делами, сумела бы забыться на какое-то время. И потом... в Москве она была бы не одна.

Есть не хотелось, зато хотелось выпить.

Сделав над собой усилие, она натянула первый попавшийся сарафан и со вздохом поплелась в бар.

Соколовы ждали ее на самом причале, возле бунгало.

Людмила и Виктор – прекрасная пара. Редкое исключение из правил, когда брак может продолжаться без насилия над человеческой природой и быть при этом вполне успешным. Это они, ее друзья, посоветовали роскошные апартаменты на одном из курортов в самом сердце Индийского океана. Вот и сейчас они выглядели вполне счастливыми и довольными друг другом. Загорелые, улыбчивые и спортивные, они возбуждали в Олесе нездоровую зависть, и она с тоской подумала о том, что придется общаться с ними весь вечер.

– Привет! – крикнула Людка и рванулась навстречу подруге. – Ты одна? А где Андрей?

– Наверное, там, где ему и полагается быть, – мрачно отозвалась хмурая Олеся, предчувствуя досадные объяснения, – в Москве, в лоне семьи, под крылышком у сама знаешь кого.

– Вот черт! – сочувственно воскликнула Людмила.

– Он что, не приедет? – с удивлением спросил Виктор.

– Ты тугодум, дорогой, – оттерла его жена, привлекая к себе Олеся. – Это точно? Я имею в виду, точно, что он не приехал из-за своей мадам?

Олеся пожала плечами и с деланным равнодушием отвернулась, скрывая наворачнувшиеся слезы.

– Вот скотина! А как же бабки, что ты заплатила за эту поездку?

– Черт с ними, с деньгами, – Олеся попыталась улыбнуться, – не в них дело. Если бы он хотя бы намекнул, что не сможет поехать.

– Не приехал – и хрен с ним! – резюмировала Людмила. – Когда еще ты окажешься в таком раю? Пусть завидует, сидя в своей промозглой Москве, пока ты здесь кутишь и отрываешься по полной!

– Да, – согласилась Олеся, пытаясь изобразить радость, – давайте развлекаться. Я в своем коктейльном платье, – пошутила она, – так почему бы нам не пойти и не выпить?

– А что! Здравая мысль! – подхватил Виктор и, взяв под ручки обеих дам, направился на пляж, где в тени раскидистых пальм они с женой уже присмотрели симпатичную стойку и маленький танцпол.

Разноцветные фонарики, россыпью раскиданные по соломенной крыше, свисающие гирляндами над стойкой с напитками, лопастью вентилятор, гоняющий пока удушливую сумеречную атмосферу пляжа, ротанговые кресла и совершенно пустая танцплощадка расстроили Олеся еще больше, так как явились живым напоминанием о том, каким чудесным мог быть этот вечер, если бы...

– Послушай, неужели ты после этого еще будешь с ним разговаривать? – возмущенно спросила Людмила. – Эта скотина уже четыре года мучает двух баб, не в силах принять мужское решение, а теперь еще и на деньги тебя развел.

– Прекрати, я сама предложила этот вояж.

– Да, предложила, и он, конечно, согласился!

– Девочки, не ссорьтесь, – встрял Виктор. – Мужики не все сволочи, есть среди нас и порядочные.

– Порядочные свиньи, ты хочешь сказать? – осведомилась его жена.

– Люсик! Ты к нам несправедлива. Олеся, приглядишься к местной публике, а вдруг...

– В самом деле, Леся, кажется, бармен очень даже ничего, ну-ка взгляни, – настаивала Людмила.

Олеся махнула рукой, не то у нее было настроение, чтобы флиртовать. Нет, только не теперь. Горе, конечно, не большое, но и его следовало посмаковать, чтобы хотя бы жалостью к себе подсластить горькую пилюлю предательства. Она молча потягивала виски с колой и развлекалась тем, что разглядывала вновь прибывающую публику, состоящую из отдыхающих европейцев и россиян, хотя и тут русских туристов было заметно больше, чем остальных.

Теплый вечер постепенно набирал обороты. Новые посетители все подходили и, заказав напитки, присаживались к стойке или в ротанговые кресла у танцпола. Заиграла музыка, блюз, и вскоре первые парочки закачались в такт океану, полные нежных грез и выпитого алкоголя. Звучали смех, громкая русская и немецкая речь. Люди встречали знакомых, общались, обменивались приветствиями и угощали друг друга выпивкой и новостями.

Людмила и Виктор, прижавшись друг к другу, тихонько ворковали, не замечая никого вокруг, и Олеся немедленно почувствовала себя лишней.

Честно говоря, она не была расстроена так сильно, чтобы рыдать в подушку всю ночь напролет, и то, что случилось, вовсе не стало для нее откровением. Ее отношения с Андреем,

и без того непростые, осложнялись с каждым днем. В последнее время она уже не чувствовала того подъема, что помогал тянуть, что называется, лямку незаконной связи со всеми вытекающими из нее последствиями в виде ночных звонков супруги Андрея, его отсутствия по выходным и праздникам, вечных семейных кредитов и так далее. Этой поездкой она надеялась оживить угасающие чувства, прежде всего свои собственные, поэтому теперь чужое счастье ее раздражало, и тяготила мысль, что и у нее все могло быть точно так же хорошо или даже еще лучше.

Друзья наконец заметили, что она скисла.

– Леська, потанцуй, развейся, – толкнула Олеся в бок подруга.

– С кем?

– Пригласи кого-нибудь, здесь это в порядке вещей, и никто не подумает про тебя невесть что.

Олеся скривилась. Только этого ей не хватало: уговаривать жирных немцев пойти потанцевать!

– Почему немцев? Здесь разные люди, – возмутилась Людмила, – вон, гляди, – начала она загадочным тоном, – видишь, за столиком сидит молодой парень? Вполне приличный кандидат. Сын какого-то депутата. Живет здесь весь год напролет. Пригласи его. Почему нет?

Олеся повернулась посмотреть на депутатского сынка, просяживающего на курорте деньги налогоплательщиков через офшоры своего отца. Кареглазый и белозубый, он выглядел совсем юным в компании таких же друзей.

– Не в моем вкусе, – вынесла свой вердикт Олеся, – ты же знаешь, я люблю престарелых блондинов.

– С блондинами, надеюсь, теперь покончено, по крайней мере до конца отпуска. Не пора ли переключиться на брюнетов? Сделай хотя бы для одного исключение.

– И не подумую.

– Но почему? Перспективный парень, – подмигнула Людка.

– Ты бы мне еще детсад предложила, – сердито начала Олеся, но настойчивый телефонный звонок выбил ее из разговора.

Звонила, конечно, мать. Она не могла чувствовать себя спокойно, если не проверяла Олеся по семь раз на дню. Иногда ей было что сказать, но чаще она выдумывала темы для разговора, причем эти темы всегда были проблемными. В этот раз подвели строители, и, хотя в Москве уже стояла ночь, Ирина Анатольевна не могла не напомнить дочери о том, что сейчас самое время заняться их поиском, подмосковный садовый домик явно нуждался в усовершенствованиях. Олеся давно привыкла к ее закидонам, никогда не спорила и старалась, как примерная дочь, удовлетворять любое желание родительницы, тем более что именно она сидела с Олесиным сыном, – няням Олеся не доверяла, – что бывало весьма часто по причине плотного рабочего графика. Если бы не дороговизна международного роуминга, пришлось бы путешественнице дать полный отчет о том, каким она видит идеального прораба. По счастью, денег хватило только на то, чтобы порасспросить о Ванькином здоровье и клятвенно пообещать ему самый лучший сувенир, который только найдется на островах.

Дав отбой, Олеся оглянулась. Людмила и Виктор примкнули к танцующим парочкам и, казалось, позабыли обо всем на свете, кроме друг друга. Зависть опять холодной змейкой проскользнула в Олесиное сердце, но сделать вывод она не успела. Чей-то настойчивый голос вывел ее из задумчивости.

– Привет. Я тебя не разбудил?

На Олеся смотрели два карих глаза, прикрытых озорной мальчишеской челкой. Депутатский ребенок лет двадцати или около нахально плюхнулся на свободное кресло рядом.

– Вроде нет, – пробубнила Олеся, надеясь, что незваный гость, получив неласковый прием, отчалит так же быстро, как появился.

– Что пьешь? – осведомился кавалер.

– Виски с колой. Тебе заказать, или нам нет еще восемнадцати? – не без сарказма спросила Олеся, но молодой человек, по-видимому, был глуховат.

– Пойдем потанцуем?

Олеся в упор уставилась на протянутую к ней смуглую руку.

– Я плохо танцую, – попыталась соскочить она, нехотя взглянув на собеседника, надо признать, довольно смазливый молодой жуир в ослепительно белой, хотя и мятой рубашке на загорелом худощавом теле.

– Чепуха, – заявил он, решительно потянув Олесю за собой, – все женщины от природы умеют это делать.

Еще не хватало мне с ним флиртовать, подумала Олеся, против воли выползая на площадку, где чужие сильные руки немедленно подхватили ее и понесли в такт мелодии, весьма ловко командуя ее собственным телом.

От удивления Олеся очнулась. Она привыкла сама управляться со своей жизнью, поэтому ей было дико, что кто-то ведет ее в танце. Уже через минуту блаженства она осознала, что никогда раньше не танцевала по-настоящему. Ей вдруг по-другому показались и лампочки, и сам бар, и люди в нем.словно черно-белая пленка окрасилась всеми цветами радуги, звуки стали громче, к ним добавились запахи, а в ушах прошла заложенность, как после самолета. Она так растерялась, что потеряла на время дар речи, и, обычно весьма находчивая в разговоре, теперь молчала как рыба, не в состоянии сразу переварить новое для себя ощущение. Тем более неожиданное, что пришло оно в неподходящее время и с неподходящим человеком.

Людмила делала ей поощрительные знаки глазами и руками, улыбалась и пихала в бок мужа, требуя обратить внимание на прекрасную парочку. Виктору оставалось лишь радостно кивать в ответ.

После танца новый знакомый присоединился к друзьям своей дамы.

– Чудесно, – вещала Людмила, расточая обаятельнейшие улыбки, – вы так хорошо танцуете, молодой человек. И с Олесей вы выглядели просто восхитительно.

– Рад, что вам понравилось, – был короткий ответ.

– Он, определенно, душка, – толкнула Людмила подругу, улыбаясь и шепча ей на ухо, – хотя и сукин сын депутатский. Надеюсь, ваши друзья не расстроятся, если вы побудете с нами? – опять перекинулась она на свою жертву.

– Мои друзья порадуются за меня. Меня зовут Алекс, – он протянул свою руку всем по очереди, кроме Олеси.

Она все еще была не в своей тарелке, и хотя новый знакомый растормошил ее на короткое время, она сейчас особенно хотела, чтобы он ушел.

– Я думаю, нам надо выпить за знакомство, – заявил белозубый нахал, подзывая официанта.

– Чудесная идея, – подхватила Людмила, – чего-нибудь подороже...

Олеся метнула в подругу полный укоризны взгляд.

– Боюсь, что ничего лучше «Шардоне» и «Мадам Клико» мы здесь не найдем. На островах с этим туговато.

Виктор, весь вечер потягивающий банку пива, поперхнулся.

– Что вы говорите?! Что ж, сойдет и «Клико». На безрыбье и рак, как говорится... – легко согласилась непривередливая Людмила, пнув под столом Олесину ногу.

– Кстати, о раках. Скажите, Алекс, а как здесь с омарами? – зло поинтересовалась Олеся.

– Хочешь омаров? – уставился юноша на бедную Олесю, и по тому, с каким радостным оживлением был сделан вопрос, та догадалась, что он отнюдь не праздный.

Ответить она не успела, так как в очередной раз беседу прервал телефон и знакомый голос мягко пожелал ей доброго вечера. Сердце Олеси дрогнуло, она оставила компанию и удалилась под сень пальм, поближе к романтическому приборю и подальше от громкой музыки.

Андрей тихонько дышал в трубку, и Олеся казалась, что она слышит, как бьется его сердце в такт этому учащенному дыханию. Она очень хотела верить всему, что он скажет, но он молчал.

Наконец она услышала: «Прости меня, я козел. Она хотела резать себе вены, я не смог просто взять и уйти, поехать отдыхать. Внучка приболела. В доме полный бардак».

Олеся безуспешно попыталась выдавить из себя хоть пару слов сочувствия. Получалось плохо. Жалко было только себя.

Мягкая океанская пена, шурша, затягивала Олесиные ступни, покрывая их блестящим в свете луны песком.

«Это пора прекратить, Андрей, – слышала она свой шепот, – ты должен решить, наконец, с кем ты. Ты помнишь наш последний разговор? Когда я приеду, я приеду либо в пустой дом, либо к мужу. К моему мужу. Если ты захочешь им быть. Ты понимаешь?»

В ответ телефонная трубка долго молчала, и Олеся уже испугалась, что тот, кому были адресованы с таким трудом рожденные слова, так их и не услышал из-за разрыва связи.

«Ты меня слышишь?!» – крикнула она в отчаянии, переполошив сонных попугаев на ближайшей пальме.

«Я понял», – раздался глухой ответ, и короткие гудки обозначили конец разговора.

Она еще немного поплакала в темноте, пройдясь по тонкой полосе приборю и пугая торопливо спешащих в воду крабов, а потом повернула назад с твердым намерением попрощаться и уйти, никому ничего не объясняя.

Подойдя к столику, она с неприязненным удивлением обнаружила, что компания явно удалась и вечер активно продолжался под хохот уже пьяненькой Людмилы, залиvistый ржач Виктора и громкий голос что-то рассказывающего депутатского сына. Их сытые и довольные жизнью физиономии возбуждали в Олеся теперь только отвращение.

– Очень рада, что вам весело, – сказала она, натужно улыбаясь, – мне что-то нехорошо, я пойду баиньки.

И потянула со стула свою сумку.

– Не дури, – тут же ухватила за нее Людка, – ну, чего он? Оправдывался, засранец?

Олеся скорчила гримасу, чтобы не расплакаться.

– Все ясно, мать твою. Ты его кормишь, поишь, зарплату выдаешь, а он...

– Прекрати, – Олеся указала глазами на мужчин и вырвала из рук подруги свою сумку, – я правда очень устала, пойду посплю, к утру все само собой рассосется.

– Не рассосется, – мрачно спрогнозировала Людмила.

– А почему бы тебе не выпить с нами? – предложила молодежь.

– В самом деле, а, Олесь, может, устами младенца глаголет истина, как ты думаешь? – подхватил Виктор, с трудом концентрируя взгляд.

– Нет, спасибо, голова что-то болит.

– Жаль. Ну тогда я провожу, – вызвался Алекс.

– Это еще зачем? – насторожилась Олеся. – Здесь недалеко, я сама дойду, по приборам.

– Ага, на честном слове и на одном крыле, – икнув, прыснул Виктор.

Любящая жена треснула его по загривку.

Олеся распрощалась и отправилась восвояси, тяжело перебирая ногами по песку. Уже через секунду задумчивости она осознала, что рядом с ней в темноте кто-то тащится.

– Я же сказала, не надо меня провожать, – с раздражением заявила она.

– Ну тогда ты меня проводи.

«Еще чего не хватало!» – думала Олеся, с ужасом прислушиваясь к хлюпающему носом Алексу. Ей даже пришлось поддержать его, когда, споткнувшись о какую-то палку, он чуть не угодил этим носом в песок.

– Извини, меня слегка заносит на поворотах, – высказалось депутатское чадо.

– Что это у тебя в руке?

– Шампанское. Хочешь?

Олеся молча отвела протянутую к ней пузатую бутылку «Мадам Клико».

– Давай надеремся? – доверительно предложил ей Алекс, снова прикладываясь к горлышку.

И тогда Олеся подумала: а почему бы нет?

– Надеремся, говоришь?

– Да.

– В жопу?

– Полную.

– Для пьяного ты что-то слишком связно разговариваешь.

– А я не пьян. Пока не пьян. Но сейчас напьюсь.

– Меня не забудь.

– Не вопрос.

Алекс выудил из кармана своих широких мятых штанов вторую бутылку. Олеся пристынула.

– У тебя что там, дьюти-фри?

– Мой бар для тебя открыт, – объявил Алекс, пошатываясь.

Олеся сделала большой глоток и мгновенно задохнулась.

– Что это? – прохрипела она.

– А хер его знает, – радостно заявил чей-то отпрыск.

В свете луны Олеся с трудом прочитала этикетку.

– Это же ром, сукин ты сын!

– А по-другому не забирает.

– Вот черт!

И Олеся храбро сделала еще один глоток, а потом еще и еще. Пока не почувствовала, как душа отрывается от тела и парит в странном зигзагообразном направлении.

– Надо притормозить. А то удовольствие быстро закончится, – услышала она рядом.

– Жизнь – фуфло, – философски заметила Олеся, вяло покачиваясь в такт прибою.

– Не скажи-и-и, – возразил Алекс, падая рядом на песок.

– Не докажешь.

– Легко.

– Ну?

Олесе показалось, что ее междометие целую вечность висело в воздухе.

– Легко, но надо еще выпить.

Они опять сделали по глотку. Ром уже не так обжигал, как в самом начале.

– Я видел однажды в Шотландии игру: кто дальше бросит телефон. Слабо со мной сыграть?

– Может, лучше плюнем, кто дальше? – предложила Олеся.

– Не, это не прикольно. Гляди, я бросаю. Слышала? А теперь ты. Давай, не жмись.

Тяжело замахнувшись, Олеся что есть сил запустила трубкой куда-то в темноту и через мгновение услышала слабый всплеск.

В голове слегка шевельнулся проблеск сознания.

– Я, кажется, сейчас мобилу утопила.

– Не, не может быть. А вот есть еще игра. Пить, стоя на голове. Я могу. А ты?

– Врешь, – засомневалась Олеся.

– Смотри! Где-то тут была пальма.

Алекс на карачках дополз до дерева.

– Подержи-ка меня, – попросил он, пытаясь, прислонясь к шершавому стволу, встать на голову.

Задыхаясь от смеха, Олеся помогала ему. Наконец, к ее удивлению, ему это удалось, и послышался булькающий звук. Потом фыркание. А потом фонтан из рома окатил Олесиные колени, стоявшие на песке. Не выдержав, она громко расхохоталась под аккомпанемент откашливающегося приятеля.

– Ну ты и алкаш! – смеялась она, поливая песок ромом.

– Я еще и наркоман, – заверило ее легкомысленное дитя. – Закурим?

– А у тебя есть? – Олеся сделала большие глаза.

– Здесь у всех есть, – уверил ее Алекс и протянул ей мятую сигаретку.

Олеся прикурила и затянулась. Потом с непривычки закашлялась.

– Сейчас вставит, погоди, – пообещал Алекс, принимая эстафетную палочку.

В ушах Олеси шумел океан, и пальмы шуршали своим птичьим оперением. Она вдохнула вонючий дым еще раз два, но кайфа все не было.

– На меня не действует, – выдала она.

– Погоди, ты знаешь анекдот про зайца?

– Про зайца? А кто это? – не поняла Олеся.

– Не знаю кто, это не важно. Так вот, слушай: идет как-то заяц... Стой, прекрати ржать, я еще ничего смешного не сказал.

– Я не знаю, это так клево: идет заяц. Как это он идет? Разве зайцы ходят? – задышалась Олеся от счастья. Рядом, скрутившись пополам, ей вторил рассказчик.

Прошло не менее вечности, прежде чем они смогли перестать смеяться и мокрые от рома и соленых морских брызг уселись на песок. Над ними сияли огромные алмазные звезды. Целая россыпь звезд, без конца и края. Отражаясь в море, неповторимые по своему размеру и цвету, они составляли целое мироздание.

Алекс откинул голову Олесе на колени. Она почувствовала его мягкие волосы.

«Совсем как детские», – мелькнуло у нее в голове. Вспомнился Ванька, но как-то мельком, быстро, без обычной тревоги.

– Смотри!

Олеся проследила взглядом за тем, куда указывала его рука.

– Видишь вон ту звезду? Вообще-то их там три, но одна, самая большая – голубая. Видишь? Она называется Цецилия. А вон та, рядом, Святая Затраха. А между ними Пчеловоз. Все вместе Пояс Верности.

– Сам ты пчеловоз. Это Пояс Ориона, – смеясь, Олеся щелкнула его по носу.

– Я и говорю: пояс верности Ориона.

– Ориону, похоже, не светит, – опять принялась хохотать Олеся.

– А говоришь, не забирает.

Они допили остатки остро пахнущей жидкости из бутылки. Захотелось еще праздника.

– Можно пойти ко мне, у меня навалом, – предложил Алекс, дергая за ключ, висящий на его шее на веревке, – но мы, кажется, далеко. Где твой отель?

– В отеле все закрыто. Тем более я живу в бунгало.

– Супер. Идем к тебе. В мини-баре должно быть.

Они долго ковырялись в темноте, спотыкаясь о корни деревьев, натыкаясь на стволы пальм и утопая в песочных зыбях, но, ведомые лунной дорожкой, причалили наконец к спасительному полуострову Олесиного отеля.

Тяжелый деревянный настил, казалось, покачивался вместе с океаном, или это Олесю качало, а вовсе не волны, однако свет электрических фонарей порядком поубавил ощущение праздника, свежий морской бриз выветрил значительную часть рома и сигаретного дурмана из ее головы. Олеся уже начала жалеть, что пригласила нежданного гостя к себе. Ей теперь хотелось только спать. Но Алекс выглядел таким потерянным ребенком в своей мятой одежде, осунувшийся, с взлохмаченными волосами, что в Олесе проснулись материнский инстинкт и желание опекать.

Все вокруг уже спали. Ни в одном из окон не горел свет, отель словно вымер. Невысокие приземистые бунгало таяли в крошечной тьме океана, и даже на берегу редкие курортные огни баров и ресторанов погасили свое мерцание, укрытые пеленой густого, насыщенного влагой воздуха.

В запертой весь вечер комнате было душно и влажно. Олеся с наслаждением вдохнула, распахивая створки двери. Свет зажигать не стали.

В мини-баре обнаружилось несколько маленьких бутылочек с разноцветными этикетками. Но гвоздем программы стало так кстати оказавшееся вдруг шампанское из набора молодежников.

Олеся даже не успела погрузиться на этот счет, как пенная стремительная струя зашипела возле ее носа.

Вышли на террасу. Океан спокойно спал или делал вид, что спал, у самого Олесиного крыльца, железными ступеньками спускающегося в бездонную темноту.

Усевшись на все еще теплых широких досках пола и прислонившись к стене номера, они поочередно молча глотали из бутылки, погруженные в странное апатичное созерцание.

Говорить не хотелось, да и не о чем было. Крошечная мгла вокруг не располагала к веселым историям. Зато молчать было приятно. В отсутствии слов, казалось, больше содержания, чем в любом разговоре.

– Я могла бы провести так всю жизнь, – мечтательно вздохнула Олеся, подтягивая к животу немного озябшие колени.

– Это не сложно, если захотеть.

Алекс протянул ей бутылку. Он теперь казался Олесе сонным или даже чуточку хмурым, и это удивило ее.

– Нам не стоит пить шампанское после рома, – заметила она почти про себя, делая большой глоток из толстого горлышка, – у меня голова опять кругом.

– Ерунда. Давай искупаемся?

– Искупаемся? – она даже засмеялась от несерьезности этого предложения, но ее приятель, похоже, был настроен вполне решительно. – Что ты делаешь?!

– Раздеваюсь, – заявил Алекс, стянув рубашку и уже принимаясь за штаны.

– Подожди-ка, это запрещено. Запрещено купаться после наступления темноты!

– Кто это сказал? – услышала Олеся удивленный голос.

Она даже протрезвела от страха.

– Ты что, действительно собираешься плавать?

В ответ депутатский ребенок снял свои белеющие в темноте брюки. Оказалось, что нижнего белья он не признает. Гость был совершенно голым, но это, по-видимому, ничуть его не смущало. Олеся старалась не смотреть на его худое и жилистое тело, но любопытство, как известно, сгубило кошку. И тут Олеся обнаружила, что под мешковатой одеждой скрывалась дикая аборигенская грация.

Замешкавшись в смущении, она упустила момент, когда Алекс прыгнул в воду.

Встревоженная, она подползла к краю настила.

– Это ужасно! Там ведь могут быть акулы!

– Какие акулы, здесь по пояс. Прыгай ко мне.

– Ни за что!

Олеся в ужасе зажмурила глаза. А когда открыла, то оказалось, что темноты больше нет. Волшебным непостижимым образом океан преобразился. Сотни живых огней, переливаясь, полыхали в утробной толще воды. Вместе с ней они колыхались, пульсировали, двигались вокруг незадачливого Алекса, который, казалось, не замечал никаких перемен. Бирюзовое пламя обнимало его ноги и бедра, пожирало плоть, подбираясь к груди. Ничто на свете не смогло бы заставить Олеся залезть теперь в воду. Мысль о том, что океан полон живых существ, которые, вполне возможно, не так уж безобидны, не прибавляла ей энтузиазма.

Рядом, громко фыркнув, словно тюлень, плюхнулся на деревянный настил Алекс. От него веяло свежестью.

– Тебя там не сожрали? – с сомнением поинтересовалась Олеся, дотрагиваясь до прохладной кожи.

– Не успели.

Она уже раскрыла рот, чтобы рассказать глупому дитяти, какая опасность его подстерегает, сколько ядовитых гадов ползает по дну и плавает в толще вод, как, не успев опомниться, сама оказалась среди них. В барабанные перепонки ударила волна. Олеся глотнула соленой воды, протрезвела и, вынырнув, яростно выплевывала ее вместе с ругательствами. Эхом ей вторил по-мальчишески искренний хохот Алекса.

Она несколько успокоилась, когда поняла, что никто не собирается ее кусать, жалить или отрывать кусок. Золотые и серебряные искры, словно в свете прожекторов, носились вокруг ее тела, закручиваясь в вихри, то сплетаясь, то расплетаясь. Олеся трогала их руками, искры гасли и снова загорались. Завораживающая картина создавала впечатление ирреальности происходящего, страх исчез, вместо него накатил восторг бытия.

Алекс нырял, как дельфин, и то и дело вытаскивал для Олеси то раковину, то камень, то что-то живое и слизкое на вид, что Олеся боялась брать в руки. Прошло совсем немного времени, когда океан вдруг погас, точно его выключили. Он теперь лежал живой дышащей протоплазмой, темной и таинственной. Олеся почувствовала сожаление, как ребенок, когда мультфильм уже закончен, а спать еще не хочется.

Они вылезли на широкие доски и упали, глядя прямо в звездное небо. В голове у Олеси шумело, глаза закрывались, и во всем теле чувствовалась такая блаженная истома, так далеки были все проблемы, что она забыла и семью, и работу, и даже Андрея. Внезапно она почувствовала соленый привкус чужих губ на своих губах и, не сопротивляясь, позволила увлечь себя обратно в толщу океана, слегка покачиваясь на волнах полудремы.

День второй

Похмелье подкралось незаметно.

На следующее утро голова танцевала активный твист, причем двумя полушариями и в разные стороны. С трудом преодолевая качку, Олеся доползла до туалета. Прошлого стыдливо прикрывалось туманной дымкой амнезии. От напряженных попыток «вспомнить все» в Олесяном организме произошли нехорошие изменения. Пришлось приобнять унитаз.

Когда через полчаса, мрачная, она вылезла наконец на свет божий вдохнуть морского воздуха, воспоминание о вчерашнем безумии молнией опалило Олесяно сознание. С ужасом кинув взгляд на кровать, она с облегчением констатировала, что проснулась одна, хотя простыня была подозрительно мятой.

В окно, поигрывая легкой занавеской, гляделся жаркий тропический день. Олеся вспомнила, что в этом раю она одинока, и открытие номер два – вчера она напилась до пороссячьего визга и, кажется, утопила телефон.

– Черт, – выругалась Олеся, – вот черт!

Часы показывали двенадцать.

Неожиданно раздался стук в дверь, слишком громкий для распатанных Олесиных нервов.

– Привет, подружка, – Людмила голова первая пролезла в щелку двери. Затем показалась и вся она, богиня в фиолетовом парео и с обгорелым носом, – почему на звонки не отвечаешь?

«И когда только она успела?» – с завистью подумала Олеся, глядя на Милкин облупленный нос, и от простенького мыслительного процесса ее снова затошнило.

Людмила придирчиво огляделась. По всему было заметно, что пустая бутылка шампанского на полу в липкой луже, опрокинутые стулья и ком постельного белья произвели на нее впечатление.

– У тебя что, Мамай прошел? – поинтересовалась она.

– Слегка погоревала, – отозвалась сумрачная Олеся, с подозрением глядя на гостью: не думает ли она, что кое-кто разделил ее горе.

Но, похоже, зря беспокоилась, память подруги сильно притупилась вчерашним «Клико».

– Ну и ну... И все из-за этого кобеля! Плюнь и разотри. Я за тобой. Через двадцать минут гоу-гоу на пляже, и мы пойдем.

Мысль о том, что Мила зовет ее на раскаленный песок заниматься физическими упражнениями, вызвала у Олеси новый спазм желудка и острый приступ головной боли. Она застонала.

– Бедняжка, все ясно. Супа нет, придется выпить пива.

– Так я совсем сопьюсь.

– Не успеешь, – заверила Людмила и потянула ее прочь из бунгало.

На пляже дул устойчивый ветерок, и Олесе полегчало. Она игнорировала фитнес-группу престарелых дам с Милкой во главе, старательно повторяющих заводные эротические движения стрип-танцев за молоденькой аниматоршей, и попыталась хотя бы приблизительно прикинуть место, где вчера могла столь опрометчиво выбросить мобильник.

«И что на меня нашло?» – мысленно ругала она себя.

Казалось невероятным, что ее, всегда такую здравомыслящую, мог раскрутить какой-то молокосос. Она не помнила в деталях, что произошло, но что-то было, это точно. Иначе она никак не могла объяснить мощный, переливающийся всеми цветами радуги засос на своей шее.

«Скотина», – подумала она опять, прикрываясь легким шарфом в надежде, что никто не увидит эту позорную метку ее слабости.

Телефона не было, поиски его не увенчались успехом. Собственно, Олеся и не надеялась. Осталось купить новый и как-то объяснить матери, почему она целый день была вне доступа. Представив, что ей придется выслушать, Олеся поперхнулась от возмущения.

– Нет, ну какая скотина! – с еще большим чувством воскликнула она, тащась в бар и с трудом передвигая ноги.

Банка пива немного освежила восприятие действительности. С облегчением Олеся плюхнулась в ротанговое кресло, стараясь попасть под струю вентилятора.

Океан перед ней снова поменялся. Теперь он был зеленым, даже изумрудным, с желтыми проплешинами поднятого со дна песка. Слегка штормило. Невдалеке болтались на малой волне узкие лодки туземцев, промышляющих туристическим извозом и иногда рыбалкой. Их цветные тела в ярких майках контрастно выделялись на фоне морской зеленки. Между ними Олеся углядела белую рубаху. Она присмотрелась. Да, так и есть, депутатское отродье было там и о чем-то оживленно разговаривало с аборигенами.

Олеся уверенно направилась к ним. Внутри нее мощно толкалось чувство социальной справедливости, оно бурлило и требовало выплеска наружу.

– Здорово, – вызывающе окликнула она мальчишку, сложив руки на груди и готовая к бою при первой же попытке к бегству или сопротивлению. – Головка не бо-бо?

Разноцветные майки разом уставились на нее. На секунду Олеся почувствовала себя неудобно.

Босоное чудо не спеша подкатило поближе, приветственно подняв руку.

– Салют. Я собираюсь тут в одно местечко с ребятами. Давай с нами?

– С тебя телефон.

– Как скажешь. Ну, так что?

– Ты, по-моему, плохо слышишь. Я сказала, что мне нужен телефон.

– У тебя телефонозависимость, но это пройдет. Первое время все ей страдают.

Олеся почувствовала себя закипающим чайником, только-только пар из ушей не шел.

– Детка, это ты здесь живешь на деньги своего папы, а я сама кормлю свою семью. Мне звонят клиенты и сотрудники, и телефон для меня не роскошь, а средство борьбы за выживание. Усек?

Нахальное дитя сдуло непокорную челку с глаз и уставилось на Олесю, беззастенчиво улыбаясь.

– Здесь не ринг, здесь не надо бороться. Мир не рухнет, если ты не ответишь на пару звонков.

– Да что ты знаешь о моем мире! – презрительно бросила Олеся и, развернувшись, пошла прочь, с досадой кроя себя за непростительную вчерашнюю слабость.

– Тут и знать нечего, – услышала она вдогонку, – все и так понятно.

От такой наглости Олеся затормозила и захотела узнать подробности.

– Да? И что же тебе понятно?

– Одинокая стареющая тетка, у которой есть свой бизнес, но нет мужа. А телефон для тебя – это средство доказать всему миру, что ты хоть кому-то нужна.

Олеся задохнулась.

– Знаешь что, а не пошел бы ты пройтись?! – выдохнула она наконец, с остервенением срывая с себя шарф. – И давай сделаем вид, что мы друг друга не знаем.

«Вот попала, – терзалась Олеся, – стоило так далеко ехать, чтобы нарваться на хамство какого-то щенка. И это в первый же день отдыха! Может, кинуть все к чертям и улететь обратно в Москву?»

Но не успела спасительная мысль оформиться до конца, как вдруг Олеся почувствовала, что ее ноги отрываются от земли, и через секунду вся она уже болталась вниз головой на чьем-то плече.

Опомнившись от шока, Олеся в самых энергичных выражениях потребовала отпустить ее немедленно. И хотя вверх тормашками ругаться было неподручно, она превзошла сама себя. Однако все было напрасно. Алекс притащил ее к лодкам и засунул в одну из них, к шоколадным рыбакам, после чего быстро вскочил в нее сам, оттолкнувшись от песчаного дна.

Хлипкую посудину сильно качало. От страха Олеся притихла. Бирюзовая волна то и дело перехлестывала через край и плескалась на выщербленном дне вонючим рыбным бульоном. Неожиданно заворчал мотор, и лодка рванулась вперед, опасно подпрыгивая на пенных бурях.

Аборигены скалились в белозубых улыбках и что-то кричали ей, Олесе, но из-за хлопочущего в ушах ветра слов она не слышала. Впереди сидящий Алекс блаженно жмурился на солнце.

«Пускай, – вдруг упрямо подумала Олеся, – лучше уж так, чем торчать весь день одной на пляже и ждать звонка от Андрея».

Их обогнал катамаран под парусом. Алекс махнул кому-то рукой и вытянул ноги в парусиновых коротких штанах прямо под сиденье Олеси.

– Куда мы едем? – крикнула она ему.

Одним движением Алекс перемахнул к ней, отчего лодка опасно накренилась. Кроме того, сидеть бок о бок было тесновато, но Олеся неожиданно почувствовала себя увереннее.

– Здесь недалеко есть место, где водятся жемчужницы, – закричал он ей в самое ухо, щекоча Олесину щеку мечущимися под ветром волосами, – непромышленного размера, правда, но все равно это здорово!

– Жемчуг? – удивленно переспросила Олеся.

– Да. Если повезет, я хочу достать парочку.

Олеся тут же припомнила фильм о японских ловчих жемчуга, атакованных стаей акул и поплатившихся за свое пристрастие различными частями тела. Ей стало зябко. Алекс крепко прижал ее к себе одной рукой, его теплые губы невзначай скользнули от уха Олеси к ее шее, мягко касаясь кожи, вызывая по всему телу электрические разряды. Олесе показалось, что она задыхается от ветра, но отстраниться она была не в силах. Приятная слабость сковала все ее члены, не хотелось шевелиться, думать, волноваться.

Лодка шла дольше, чем рассчитывала Олеся. От неудобного сидения затекли ноги и даже ягодицы. Горизонт исчез очень быстро, но плыть пришлось не меньше двух часов, прежде чем они опять увидели полоску земли по левому борту. Когда лодка подошла ближе, стало очевидно, что конечной целью их путешествия был остров, с одной стороны которого возвышалась встающая прямо из моря скала, а с другой – притулился атолл с белоснежным, аж глазам больно, песком и редкими пальмами, сползающими прямо в голубое желе океана.

Лодки, их было три, обошли остров с подветренной стороны и бросили якорь неподалеку от скалы, там, где ветер не терзал уже океан и спокойная гладь, прикрытая от бурь мощной заградительной стеной, безмятежно нежилась в лучах тающего вечернего солнца.

– Здесь! – воскликнул Алекс и, стянув с себя рубашку, нырнул в прозрачную лазурь, сильно качнув лодку. Олеся не успела даже испугаться, как вслед за ним попрыгали все рыбаки. С минуту они резвились, как дети, плескаясь и фыркая, а потом, сделав несколько резких выдохов и один последний глубокий вдох, ушли на дно, сверкнув загорелыми пятками.

Олеся осталась в лодке одна, она тревожно покачивалась на легкой волне, взбитой ныряльщиками, и растерянно ждала появления Алекса. Вдруг что-то стукнулось о дно и прогрохотало, перебрав обшивку. От неожиданности Олеся вскрикнула. Огромная рыбина, по счастью, не акула, сколько могла судить Олеся, ткнулась в днище, скусывая с него приставших кое-где рачков и морские водоросли.

– Кыш, пошла отсюда! – закричала на нее Олеся, в ужасе от того, что шаткая посуда может перевернуться под очередным ударом сильного клюва, привыкшего разбивать кораллы. Рыбина поворачивала глазами и, не обращая внимания на Олесиные вопли, неторопливо удалилась прочь, махнув на прощание хвостом. Мимо проплыла стая рыбешек помельче. Где-то на песчаном дне, обманчиво близком, зашевелилось нечто похожее на утонувшую черную рубашку. Рубашка расправила рукава и, махнув ими, полетела по делам.

Вокруг нее, насколько хватало глаз, сиял океан. Полуденное солнце превратило миллиарды кубометров соленой воды в драгоценный прозрачный аквамарин, пропитанный светом до самого дна, такого обманчиво близкого и такого таинственно богатого, с целой россыпью ярких красок, шокирующих не привыкшее к разнообразию цвета и форм северное мировосприятие. Казалось удивительным, что где-то есть большие города с их капризным климатом и плохой экологией, пустыми политическими дебатами и процветающим преступным миром насилия и угроз, и что найдется хотя бы один человек в здравом уме и твердой памяти, который захочет туда вернуться.

Внезапно Олесю обдало брызгами и что-то большое плюхнулось прямо в лодку с грохотом и свистом.

– Ты меня заикой сделаешь! – воскликнула она сердито, лицемерно скрывая радость.

Депутатское дитя, все в мелких бисеринках воды, радостно протянуло Олесе пару грубых бесформенных камней.

– Что это? – с подозрением спросила она, опасливо беря их в руки.

– Пятьдесят баксов, – засмеялся Алекс, – смотри.

Он взял у нее камни и ловко вскрыл их ржавым ножом, валявшимся на днище лодки. Из слизи и противных серых складок, похожих на устричные, показалось прозрачное маленькое ядро.

– Жемчуг? – еще не веря, спросила она.

Алекс вытащил зерна и, промыв в воде, опять протянул ей. Розоватый перламутр неправильной, почти овальной формы казался невесомым в Олесиной ладони.

– Это территория заповедника. Местные рыбаки хитрые. Они знают, что инспектора вызвали в столицу по делам и он не вернется до конца недели. Вот они и используют свой шанс подзаработать. Такое случается не чаще раза в год.

– Значит, мы здесь нелегально?

– Тебя это беспокоит?

– Не то чтобы... а ты хорошо ныряешь.

– Не то чтобы... – улыбнулся Алекс, – я здесь не так давно, и до местных мне далеко, но... когда-нибудь...

– Ты постоянно здесь живешь?

– Восемь месяцев в году. Остальные в Москве, у меня своя фирма. Она приносит мне стабильный доход, я нанял хорошего управляющего, и все, что от меня требуется, это лишь изредка появляться, чтобы разрулить глобальные вопросы, которые нельзя решить с помощью скайпа и электронной подписи. Здесь многие так живут.

– А я думала, что ты... – Олесьа замялась, – говорили, что у тебя папа – депутат и он тебя спонсирует.

Алекс опять рассмеялся, сверкнув белоснежными зубами.

– Есть и папа. Одно другому не мешает.

– А семья есть?

– Ты имеешь в виду жену? Нет, я еще молодой и совершенно свободный, – Алекс играючи потянулся, чтобы поцеловать Олесьу в губы.

– Да уж, – Олесьа отстранилась, неожиданно почувствовав приступ ревности, – симпатичные молодые девчонки приезжают, уезжают, и никакой ответственности, – проворчала она.

– Вроде того, – Алекс сладко потянулся, – а вот и рыбаки.

Вокруг них, словно поплавки, повсплывали загорелые озабоченные лица. Их добыча была куда более значительна, чем у Алекса, и составляла по десять–пятнадцать раковин в сетях, прикрепленных к поясу.

Олесьа надеялась, что на этом морское приключение и закончится, но отсутствие инспектора сильно сказалось на жадности аборигенов, – немного подышав и свалив раковины в лодки, они снова исчезли в синеве океана, так и не сняв своих пестрых маек.

Солнце меж тем уже село за горизонт, и беспокойная Олесьа заерзала на неудобном сиденье, пора было двигать домой. Ночной океан – испытание не для ее расшатанных нервов. Облака на небе из розовых превратились в черные и двигались к зениту сплошной чередой, быстро вытесняя остатки света. Очень скоро их однообразие грозило слиться с таким же однообразием ночного океана в один сплошной квадрат Малевича.

Депутатское дитя тем временем предавалось вечернему отдыху, раскинувшись на носу уютной посуды и сладко смежив веки.

Олесьа бесцеремонно растолкала его и потребовала отчета. Ей не терпелось узнать час отхода скорого водного поезда в направлении ее номера в отеле, а желательно сразу кровати в этом номере, – весь день, проведенный в открытом море под палящим солнцем, не замедлил

сказаться на Олесином самочувствии. К тому же, пропустив завтрак, она была теперь чертовски голодна и не хотела бы пропустить еще и ужин.

На ее счастье, рыбаки, похоже, были того же мнения, дома их ждали ароматная похлебка, рис и строгие жены, которые не любят разогревать остывшую пищу, поэтому не прошло и десяти минут, как вся кавалькада с миром тронулась обратно, поблагодарив заповедный край мятой жестянкой от кока-колы.

Тьма упала мгновенно, не успели лодки отплыть от острова, но, по всей видимости, никого, кроме Олеси, это не беспокоило, и, несмотря на дымящийся ужин где-то там, в двух часах езды по ночному океану, лодки свернули к противоположному от скалы берегу, где в полудреме еще белел пляж, весь отдавшийся звездному небу.

Ветер меж тем крепчал. Лодка Алекса, преодолевая встречную волну, двинулась к берегу и вскоре ткнулась в песок в каких-нибудь тридцати метрах от полосы прибоя.

Тут насторожившаяся было Олеся сильно заволновалась. Волнение ее еще только усилилось, когда она заметила, как выпрыгнувший наружу Алекс ловит какие-то мешки, до поры таившиеся под лавками и которые теперь рыбаки активно катапультировали прочь. У нее еще оставалась надежда, что этот сухой паек – гуманитарная помощь островитянам, прячущимся в дебрях острова, но она растаяла, когда, вместо того чтобы вернуться в лодку, золотая молодежь энергично пошлепала к берегу, а торопливые майки высадили Олесю из лодки, несмотря на ее активный протест.

– Ты что, охренел? – взвилась она, стараясь перекрыть романтический шум ночного прибоя.

– Не волнуйся. Завтра после очередного жемчуга они вернутся, – успокоил ее радостный ребенок.

– Да не хочу я торчать здесь всю ночь. Я возвращаюсь в отель, – твердо заявила Олеся и двинула назад к лодкам.

Но природа была против, ей почему-то непременно нужно было, чтобы одна отдельно взятая белая женщина была съедена на необитаемом острове именно сегодня. Волны грубо толкали ее к берегу, не давая ступить и шагу вперед. Проще было двигаться заодно с ними, и Олеся сдалась. Физически, но не морально.

Пока она сражалась с волнами, Алекс успел разложить вещи на берегу и даже насобирал какого-то кокосового хвороста из того, что выбросил океан.

Олеся вышла из пены, как Венера Боттичелли, только злая и мокрая.

– Ну ты и сволочь, – заявила она с океанского порога, с тоской провожая уходящую в темную даль обшарпанную корму, – ты что себе позволяешь? Привык, что все дозволено! Немедленно позови их назад, я здесь и минуты не останусь.

И в доказательство серьезности своих намерений она безжалостно швырнула один из мешков подальше в волны.

– Это был наш ужин, – констатировал Алекс, почесав в затылке.

– А мне плевать, – горячилась Олеся и уже протянула руку за следующей жертвой, но папин сын ее опередил.

– В этом мешке палатка и одеяло. Можешь и его выбросить, только здесь есть пальмовые крысы, а они церемониться не любят – жрут что попало, не разбирая, где московская тетка, а где кокос.

Олеся, слегка подумав, повременила с мстью.

– Верни лодки, – потребовала она и сама для порядку покричала и помахала руками в абсолютную темень океана.

– Бесполезно. Да ты и не попала бы в отель. Они возвращаются по домам, денег у тебя нет, а по-английски они говорят плохо, – констатировал Алекс деловито в напрасных попытках разжечь огонь, задыхающийся под окрепшим бризом.

– И что теперь делать? – задала Олеся один из извечных вопросов русской интеллигенции. Ответ на второй: кто виноват, – был для нее, увы, очевиден.

– Я рад, что ты спросила. Есть два варианта. Ты можешь продолжать орать, охрипнуть минут через пять и остаться без ужина и ночлега. Или есть еще опция: провести лучшую ночь в своей жизни без мобильных телефонов под тропическим звездным небом на лоне райской природы. И бонус... косячок.

– Да пошел ты, – самовыразилась Олеся.

– Не смею настаивать. Но, между прочим, ты еще можешь попробовать спасти наш ужин, если он недалеко уплыл. Кто знает, сколько нам придется прочахнуть здесь, на необитаемом острове, если завтра начнется ураган и за нами никто не приплывет.

Олеся послала милое дитя еще раз и с большим чувством.

Однако мысль о лучших годах, проведенных вдали от цивилизации, слегка омрачила ее боевое настроение и остудила пыл. Чертыхаясь, она двинулась по кромке прибоя в поисках выброшенного мешка, но с визгом выскочила на песок, так как почувствовала, что по ней пробежалось какое-то невидимое существо, страстно желающее моря.

Вдоль полосы пляжа с грохотом разбивались волны. Рыча, они набрасывались на спящий берег и с ворчанием, в котором Олесе слышалась угроза, нехотя отползали обратно. Недолго думая, пленница острова благоразумно предпочла вернуться к слабенькому костерку, который Алексу удалось все-таки развести посреди вселенской темноты. Ветер полоскал его рваные лоскуты, безжалостно трепля их из стороны в сторону, но все же это был хотя и ненадежный, приют тепла и защиты посреди враждебного мира.

Осмотревшись в поисках исчезнувшего куда-то парня, Олеся с облегчением констатировала, что, по крайней мере, фонарь был им предусмотрен. И теперь его слабый луч шарил в пальмовых зарослях, где ветер, запутавшийся в широких листьях, слегка слабел и пел ровно и глубоко, перебирая их резные струны.

Она огляделась. С визуальным рядом было плохо – в двух метрах ни зги не видно, зато звуковой превышал все допустимые пределы. Это не обнадеживало. Приунывшая Олеся сжалась у костра, стараясь согреться – несмотря на тропические широты, ночь показалась ей зябкой и влажной – океан выбрасывал на берег тонны брызг. На мгновение они зависали в ночном воздухе, охлаждая его, чтобы потом неминуемо обрушиться вслед за волнами и снова стать шипящей соленой газировкой.

Новоявленный островитянин появился из темноты. Жмурясь на огонь, уселся по-турецки и не спеша прикурил от корявой головешки. Тот факт, что он не обращал на Олесю никакого внимания и, казалось, был совершенно доволен жизнью, несмотря на видимые неудобства положения, снова возбудил в Олесе желчеотделение.

– Ужина не будет.

Алекс равнодушно пожал плечами. В свете костра его лицо казалось совсем юным, по-мальчишески нежным и сонным.

– Там же был и завтрак, и обед, – сказал он и затаился, после чего медленно выдохнул пахучий дым, мешая его с дымом костра.

Исторгнув воинственный клич, Олеся набросилась на наглеца и успела порядком попинать его, прежде чем получила подножку и оказалась подмята молодым и сильным телом. Долгий предупреждающий поцелуй не заставил себя ждать. Олеся хотела уже применить излюбленный женский прием – ногой в пах, но вдруг ее взгляд переместился в сторону, и свет от целой россыпи ярчайших бриллиантов резанул по глазам. Следуя ее взгляду, Алекс тоже оглянулся. Оба сели и некоторое время молча взирали на небо, потрясенные грандиозностью своего открытия.

– Никогда такого не видела!

Как ни старалась, Олеся не могла скрыть восхищения. Глаза ее расширились, рот приоткрылся, и оттуда вырвался восторженный полувздых.

– И не увидишь в своем городе, – подтвердил Алекс, снова прикуривая затоптанную было Олесей сигарету.

Он подобрался поближе к замершей спутнице и, откинувшись, улегся рядом на прохладный песок, закинув руку за голову. Алый огонек его сигареты то разгорался, то, тлея, тонул в ночи.

– В городе у меня работа, – отозвалась Олеся, – я люблю свою работу, между прочим. Не говоря уже о том, что она приносит бабло. А тебе не скучно жить, ничего не делая?

– Мне не скучно жить!

– А почему ты не женишься? – спросила Олеся, все еще не в силах оторваться от величественной картины звездного неба. – Сейчас бы не престарелых теток по пляжам валял, а свою, молодую и красивую.

– Не хочу плодить отчаяние.

– Что?

Олеся удивленно оглянулась на огонек сигареты.

– Тебе что, поговорить больше не о чем?

– А все-таки? – Олеся почувствовала сладкий привкус мести.

– Ну хорошо. Отец бросил мать после тридцати лет счастливого брака. Женился на молодой, родил мне брата. Мать заболела, слегла и не встала больше. Очень типичная история для нашего времени.

– Ты так говоришь, как будто сам в другом времени живешь.

– Нет, конечно, но карму портить не хочу.

– Боишься, что другую женщину полюбишь? – поинтересовалась Олеся, замирая.

– Мой дед армянин говорил так: если влюбишься, а потом женишься – считай, тебе повезло. Но если сначала женишься, а потом влюбишься, помни, что настоящим мужчиной тебя сделала твоя жена и второй раз мужчиной ты не станешь.

– Это в каком же смысле?

– В таком смысле, что гулять себе гуляй, но семья – это святое.

– Ну, счастья всем охота, – пробормотала Олеся скорее для себя. Перед мысленным взором встал Андрей. Настроение заметно ухудшилось, и ей уже не хотелось любоваться красотами ночи.

– По тебе этого не скажешь, – заметил Алекс.

– Просто я хочу определенного счастья с любимым человеком. Его жене повезло, она была счастлива целых тридцать лет, а теперь надо дать место другим. Так-то. Хороших женщин много, а приличных мужиков раз-два и обчелся. Делиться надо.

– Не боишься?

– Чего?

– Что твоей дочери кто-то потом скажет то же самое?

– Не боюсь, – рассердилась Олеся, – у меня сын.

– Вот это я и называю: плодить отчаяние. Все связано в этом мире. Там, где папа бросил маму, сын наверняка бросит мать своих детей. Мы копируем своих предков и их модель поведения, хотим мы того или нет.

– Что ж теперь, не жить? Дети пускай сами за себя думают.

От раздражения, поднятого вдруг с глубины сознания, у Олеси пропало всякое желание сопротивляться обстоятельствам или спорить. Усталость и голод дали о себе знать. Зевая, она старалась справиться с дремотой. Купол ночного космоса возбуждал и убаюкивал одновременно. Хотелось свернуться калачиком под его звездным покрывалом и отдаться волнам накатывающих сновидений.

– И откуда ты такой умный? – проворчала она, укладываясь на песок возле костра, но Алекс поднял ее на ноги.

– Пошли, я разбил палатку на берегу. Там будет удобнее и теплее. И вот еще, – Алекс достал из второго мешка и сунул Олеся в руку бутылку, – выпей и согреешься.

Вяло ворочая языком от усталости, Олеся заметила:

– В последний раз, когда ты уговорил меня надраться, я профукала телефон, получила острое алкогольное отравление и шикарный засос взамен. Эй, сынок, не много ли для одних суток?

– Нет, мамуля, в самый раз.

– А ты нахал! Кстати, сколько тебе лет? – поинтересовалась Олеся запоздало. – А то еще посадят за совращение.

– Двадцать шесть. Ты вне опасности.

– Боже, – простонала Олеся, – как развита нынешняя молодежь. Не мы их, а они нас совращают.

– Акселерация на почве ГМО, – философски заметило депутатское чадо и потащило уже не упирающуюся Олеся под сень тропических деревьев, где она и уснула мгновенно, не замечая неудобств походной жизни.

День третий

Утро порадовало аборигенов лазурной непоколебимостью вод и едва заметным ласкающим ветерком.

Заспанная и помятая, Олеся задом вылезла из-под душного брезента на оперативный простор и осмотрелась. Вокруг, насколько хватало глаз, царила роскошная южная растительность, между которой в золотые от солнца просветы подглядывала за пришельцами синева океана.

Сбегав для начала в кусты, подальше от культурной прослойки, она, потягиваясь и закрываясь ладонью от солнца, почтила берег своим присутствием. К сожалению, напрасно. Пафосный выход не удался. Юный принц, как успела заметить Олеся, категорически презирал спанье до обеда и уже успел смыться в неизвестном для своей принцессы направлении.

Олеся пошаталась по берегу туда-сюда, пугая боязливых крабов, и когда желудок напомнил о вынужденной голодовке, произвела попытку поохотиться на них. Но крабы оказались шустрее голодной Олеся. Они молча и, главное, быстро семенили в воду, угрожая задрать клешни. Пару раз им удалось тяпнуть этими клешнями Олеся за палец, после чего она временно прекратила преследование и постаралась настроиться на позитивный лад. В конце концов, не место красит человека, а человек – место. Так что после семи-восьми лет курортной жизни в тропическом раю она вполне могла надеяться на то, что спа ей больше не понадобятся, а диета пойдет на пользу фигуре.

Честно говоря, отсутствие мобиляника беспокоило ее больше, чем отсутствие пищи. Где-то очень далеко за горизонтом бесилась Москва с ее проблемами, и Олеся не могла их контролировать, не могла держать руку на пульсе, это раздражало.

Голый Алекс, несколько не смущаясь Олесиной невинности, вылез из моря с тощей связкой рыб в одной руке и острой палкой в другой.

Олеся задумчиво оглядела свой прикид. Нет, снять сарафан и остаться в чем мать родила было ей пока не под силу. А раздеться хотелось, и очень. Полуденная жара уже давала о себе знать, раскалив песок до температуры варки яиц. Даже попугаи – и те притихли на пальмах, забившись в их густую листву на послеобеденный сон.

Алекс удобно устроился у очага, нанизав на прутья выпотрошенную рыбу.

Мрачно поздоровавшись, Олеся поинтересовалась:

– Ты думаешь, ее можно есть?

– Макрель. По-нашему – скумбрия. Ум-м-м... Не хочешь – не ешь.

– Не хами, – оборвала наглеца Олеся и уселась рядышком, презрев все условности света. Ее рука с наслаждением ощущала прохладу, исходящую от мокрой кожи Алекса, чье худое тело, и без того загорелое, теперь золотилось под солнцем.

Без соли и специй рыбешка оказалась вполне съедобной, хотя и непривычной на вкус. На второе было суфле из крабов в собственном панцире, в ловле которых Алекс оказался гораздо счастливее своей подруги. Запили все деликатесы свежайшим кокосовым молоком с добавлением капельки рома. А наевшись, валялись в изнеможении на песке в тени шуршащих на ветру пальм.

– А как же крысы? – всполошилась Олеся, вспомнив вчерашние угрозы.

– У них тихий час. Тебе не холодно? – лицемерно осведомился выюноша, оглядывая Олесин сарафан до пят.

– Есть чуток, – призналась она, задрав юбку до пояса и не без гордости обнажая стройные еще ноги.

– «Гуччи»? «Макс Мара»? «Каролина Феррера»? – поинтересовался Алекс, пощупав материал Оlesiного прикида, и тут же скомандовал по-солдатски: – А ну-ка, встань!

Олеся в недоумении подчинилась.

Ничтоже сумняшеся, депутатское дитя одним широким жестом оборвало подол дорогого Оlesiного сарафана до неприличного мини.

– Теперь ты почти такая же красивая, как я, – заявило дитятко и завалилось обратно на песок, любуясь делом своих рук.

Олеся наплевала на «Гуччи», но сам факт бесцеремонного вмешательства в интимное пространство ее ляжек раздражал.

– Не переживай, будет повод купить новый, – заявил Алекс.

Олеся фыркнула.

– Еще не хватало переживать из-за тряпки. Если хочешь, можем тебе из нее трусы сделать, если тебе надеть нечего.

– Боюсь, мои чресла не заслужили еще подобной чести.

– Твои что? – весело поинтересовалась Олеся.

– Надо что-то делать с твоей неграмотностью. Взрослая тетя, а не знает, что такое чресла.

Олеся, хохоча, стукнула его по лбу.

– Да знаю я, знаю. Но один вопрос не дает мне покоя.

– Никаких вопросов о личной жизни. Излишняя откровенность разрушит мой образ мачо.

– Не разрушит, – успокоила малыша Олеся, – ты почему именно ко мне привязался, как банный лист? Помоложе найти не мог?

– Из жалости.

– Из жалости? – Олеся даже спала с лица.

– Увидел тебя с этим телефоном – жалкое зрелище. Ну а потом, когда ты ром пила, стоя на голове, влюбился. Честное слово, ничего сексуальнее в своей жизни не видел.

– А ничего, что, когда я школу заканчивала, ты обоссал свой первый памперс? – спросила разгневанная не на шутку Олеся.

– Не преувеличивай!

Алекс лениво перевернулся на живот, подставив подруге песчаную спину.

Олеся расстроено примолкла, делая вид, что изучает морской горизонт.

– Где тут выпить? – спросила она наконец и, поднявшись в указанном направлении, отыскала початую бутылку все того же рома. Недолго думая, сделала большой глоток прямо из горлышка.

– Моралист хренов. Интересно у тебя получается: трахать баб можно, а жениться – ни-ни.

Алекс сел на песке, с безопасного расстояния наблюдая за переменами в настроении подруги.

– Пожалуй, в данной ситуации без штанов я буду выглядеть глупо, – заявил он наконец, натягивая свои короткие туземные брюки.

На фоне их выгоревшей ткани кожа мальчишки казалась почти такой же шоколадной, как у индусов. Слипшиеся от соли волосы, сосульками свисавшие на лоб, придавали ему непосредственное очарование дикости, и Олеся с грустью отметила, что он действительно хорош.

– Хочешь увидеть дворец Посейдона? – спросил вдруг Алекс. – Это здесь, рядом. Ну? Пошли! Если не боишься, – добавил он с вызовом.

Олеся поплелась за ним без большого энтузиазма. На самом деле идти оказалось не так уж и близко, и она успела порядком обгореть с одного бока, обращенного к солнцу.

Очень скоро, к своему удивлению, Олеся поняла, что путь они держат к той самой скале, у которой вчера нарушали границы заповедника. Чем ближе подходили они к цели, тем громче ревел прибой. Наконец она разглядела черные дыры неправильной формы, словно дупла кариеса, выевшие часть горы, спускавшейся неровными ступенями прямо в океан. Сильный шум исходил именно от них.

«Гроты!» – догадалась Олеся, взглядевшись в пенящуюся массу воды, внахлест закрывающую темноту провалов.

– Ты здесь уже бывал? – прокричала она Алексу, стараясь заглушить рокот океана, выдолбившего гигантскую дыру – жилище циклопа.

Он кивнул в ответ.

– Подождем полчаса до отлива и сможем войти внутрь.

– Нет, – в ужасе замотала головой Олеся и попятилась назад, – мне моя жизнь еще дорога. У меня ребенок маленький.

– Не бойся, – крикнул Алекс, – во время отлива там безопасно.

Олеся с сомнением посмотрела на крушащие базальт волны. Алекс потянул ее за руку.

– Да не пойду я, – уперлась она, сдвинув брови в упрямую жесткую складку, – тебе надо – ты иди, а я тебя здесь подожду.

– Кво-кво-квох, – замахал плечами Алекс, со смехом изображая хлопающую крыльями несущку, – что, сдрейфила, курица? Страшно? Мне одному идти опасно, давай за мной!

– Это твое дело, – упрямилась Олеся, с подозрением поглядывая на гроты.

– Да рискни же ты, там по колено, а воспоминаний хватит на всю зиму! Пошли!

Олеся наконец нехотя сдалась и позволила себя увлечь под грандиозные неровные своды, нависшие над непрошеными гостями и способные вместить даже небольшой корабль. Воды и впрямь было немного. Основная ее масса ушла вместе с отливом, освобождая проход в святая святых морского царя на считанные часы. Но, несмотря на ее небольшое количество, идти было тяжело. Неровные, мечущиеся в замкнутом пространстве, но все еще сильные волны не позволяли свободно двигаться, норовили сбить с ног, и, если бы не упрямая уверенность поводыря, сама Олеся ни за что не рискнула бы сунуться в этот миксер.

Кое-где пришлось даже проплыть, так как ноги не нащупывали дно, но богатое убранство пещер так впечатляло, что даже Олеся, оглушенная их мощью, сдалась на милость победителя и просто разрешила увлечь себя из одного зала в другой, потом в третий.

– Это столовая Посейдона, – кричал ей Алекс, отплевываясь от захлестывающих и сбивающих с ног волн, – а там его гостиная. Как тебе это место?

Молодой бог, он двигался легко и смело, прокладывая себе путь между многочисленных и, по мнению Олеси, опасных валунов, придерживая ее за руку. С этой мизерной поддержкой Олеся тем не менее чувствовала себя куда более спокойно, чем без нее, и когда им случалось оторваться друг от друга или упрямая волна расшвыривала их в разные стороны, Олеся начи-

нала паниковать. Но стоило только Алексу поймать ее ладонь в бурлящей пене, как она прекращала прощаться с жизнью и снова обретала опору под ногами.

Гулкие своды множили и без того многоголосое эхо, отражали, комкали и растягивали речитатив волн, их сумбурный разговор, долгожданную тусовку, гостеприимно принимая в своем чреве их радостную толкотню.

Алекс что-то кричал своей подруге, но она не слышала ничего из того, что он пытался ей втолковать, и скорее интуитивно, ориентируясь на его взволнованное и оживленное лицо, сама начинала испытывать восторг вслед за своим гидом, с каким-то давно забытым детским восхищением вглядываясь в его мифологический образ. Грациозное тело, четкий профиль, мокрые кудри, с которых стекали прозрачные соленые капли, прохладная загорелая кожа, прикрывающая горячую пульсирующую энергию молодости, – все в этом юноше напоминало древние, канувшие в века легендарные архетипы: Давида, Персея, Пелея, как будто гроты были той машиной времени, тем порталом в минувшее, что перенесли своих гостей в мир погибший и прекрасный, погребенный ныне под многометровым слоем пепла где-нибудь на Пелопоннесе или Санторине.

После валялись на берегу, бездыханные от напряжения.

Говорить не хотелось. Олеся пришло в голову, что с Андреем она в этот грот не полезла бы. Это открытие причинило ей боль, и теперь она сидела, сжавшись в комок, отрешенная от мира и совершенно опустошенная своим немыслимым приключением. Наконец она обернулась украдкой и внимательно посмотрела на Алекса. Того, похоже, одолевали те же эмоции.

«Почему так, – подумала она, – он моложе меня на целую вечность, совершенный ребенок, а с ним я чувствую себя надежнее, чем с любым из моих мужиков? Совершенное безумие! Влюбилась в мальчишку на пятнадцать лет младше! Ну и дура!»

– Лодки! – вдруг крикнула Олеся и сорвалась с места.

В голубой дали показались темные точки. Рыбаки обходили скалу, возвращаясь с лова, и быстро приближались к месту их с Алексом стоянки. Следовало торопиться назад.

Она почти бежала по берегу, за ней неспешно тащился депутатский сын, на ходу бросая камни и ракушки в слегка взволнованную пучину.

Грузиться долго не пришлось, но неторопливый Алекс все-таки взбесил закусившую удила подругу.

Всю обратную дорогу оба молчали. Только неунывающие аборигены лопотали что-то свое, перекрикивая друг друга и ожесточенно жестикулируя. Время от времени Олеся ловила на себе их любопытные взгляды и белозубые улыбки.

Абсолютно изможденная, она вывалилась из лодки на берег под сенью любимого отеля с его цивильным сортиром и ежедневной сменой полотенец. Алекс за руку попрощался со всеми рыбаками и догнал Олеся уже у деревянного настила, ведущего к номерам.

– Держи, – протянул он ей что-то маленькое.

Олеся взглянула и открыла рот от удивления.

– Когда ты успел?! – воскликнула она, осторожно беря тонкое серебряное колечко с неровной розовой жемчужиной.

Точно такое же кольцо Алекс надел себе на мизинец.

– Друзья постарались, – сказал он устало, – сохрани на память. А я пойду. Надо поспать, а то всю ночь от тебя пальмовых крыс отгонял. Увидимся.

И он медленно побрел вверх по берегу в сторону своей шикарной, как утверждала Людка, виллы. В последний раз мелькнула его рубашка, и сам он растаял в стремительно надвигающихся сумерках.

День четвертый

Все следующее утро Олеся пыталась справиться с навалившейся сонливостью. Скорее всего, началась та самая акклиматизация, которая настигает каждого второго туриста, только выражается по-разному, прицельно ударяя по самому больному месту размечтавшегося об удовольствиях отпускной жизни бедолаги. Так случилось и у Олеси, слабым местом которой всегда была голова. Мигрень – вот что могло лишить ее дееспособности в считанные минуты.

Человеку, не подверженному данной напасти, никогда не понять всего того ужаса, который она вселяет в людей сведущих, испытавших ее на себе. Олеся была знакома с мигренью не понаслышке. Этот зверь поначалу ступает тихо и вкрадчиво, но стоит ему разогнаться, как остановить его уже практически невозможно. Он вопьется вам в висок, высосет всю кровь и весь мозг и раздробит кости черепа, прежде чем вы успеете сообразить, что уже слишком поздно защищаться.

Первые сигналы боли застали ее на пляже, куда туристка выползла наконец, когда солнце уже стояло высоко в небе и отельный завтрак подходил к концу.

Изможденная вчерашним приключением, несчастная решила, что хорошая порция еды сможет подкрепить ее силы. Но не тут-то было. Первые раскаты грома возвестили о приближающейся буре. Олеся круто развернулась прямо перед дверью ресторана и подалась в пляжный бар с отчаянной мыслью выпить коньяка, который, как известно, расширяет сосуды. Но бар, к ее разочарованию, был закрыт. Стулья, прислоненные к столам, и отсутствие бармена наглядно свидетельствовали об этом. Приунывшая страдалица решила, что этот день ее отпуска не задался с самого начала.

– Что это с тобой? – спросил Алекс, заставший подругу на пляже в обществе сломанного шезлонга и покосившегося зонтика. Он поглядел на Олеся, корчившуюся под солнечными лучами, с подозрением. – Вампирская ломка?

– Ага, – выдавила она из себя, – мигрень называется. Мне лучше принять горизонтальное положение, иначе ты меня будешь на скорой увозить.

Они сели на берегу, прямо на песке, в тени длинной пристройки какого-то подсобного помещения.

– Чем это воняет? – с ненавистью спросила Олеся, хватаясь за виски.

– Пиццей. Мы у итальянского ресторана.

– Пиццей? А ты ничего не путаешь? Ненавижу итальянские рестораны.

– И давно это с тобой?

– С тех пор как голова заболела, – ответила она чуть слышно.

– Я имею в виду мигрень, – спросил Алекс, прикуривая сигарету.

Олеся покосилась на него с отвращением.

– Ты это специально?

– Что? – Алекс удивленно поднял брови.

– Куришь специально? Чтоб меня прямо тут вывернуло? Прямо на тебя?

– Извини, я думал, мигрень – это такое дамское развлечение, чтобы парней динамить.

Алекс затушил сигарету и с сочувствием поглядел на подругу.

– Ага, конечно. Я лучше пойду, – сказала та и, стараясь не расплескать боль, медленно потащилась прочь по направлению к бунгалу. Больше всего на свете ей хотелось стянуть голову резиновым жгутом. Но это было еще не все. Боль гнездилась где-то в шее, поднималась к затылку и чугунным ядром дробила череп с левой стороны виска. Руки и ноги Олеси похолодели, а от лица отлила кровь. Следовало немедленно добраться до аптечки, где в плотной обертке хранились заветные таблетки.

Питьевой воды в номере не оказалось. Олеся с ужасом огляделась вокруг. Счет пошел на минуты, а у нее нет жидкости, чтобы принять лекарство. Давясь, она проглотила сразу две капсулы, засунув их в пересохший рот, и со стоном упала на кровать.

Вентилятор вяло жужжал в полумраке Олесяного номера, размешивая влажную духоту тропического смузи. Сквозь закрытые ставни ее резали острые солнечные кинжалы. Неподалеку раздавались веселый смех, топот босых детских ног по помосту, чья-то речь. Люди приходили и уходили, хлопали дверями, переговаривались на разные голоса, свистели и скрипели. Как же Олеся их ненавидела!

Отпуск был испорчен. А всему виной этот мальчишка! Олеся в этом ни минуты не сомневалась. И почему он не может просто оставить ее в покое. Столько переживаний за два дня! Так активно она не проживала еще ни один свой уик-энд. Нет, что ни говори, а годы берут свое. Здоровье уже не то. Вот и проклятая мигрень наверняка привязалась к ней не случайно. Солнце, алкоголь, вынужденная вчерашняя голодовка и бесконечные тревоги, и все это вместо мирной акклиматизации где-нибудь в шезлонге в тенечке у бассейна.

От подобных мыслей Олеся еще больше затошнило. Она представила себя эдакой старой калошей, вяло влачащей отпуск на фоне радостно оживленной тусовки. Тут даже настоящие буржуйские пенсионеры, активно снующие вдоль и поперек отеля, могли бы дать ей фору. И откуда только энергия у этих доходяг?!

Она застонала и перевернулась на другой бок, маниакально зарываясь головой в подушки. Таблетки помогали слабо. Видимо, радиус их действия был ограничен строго Российской Федерацией. Ну в крайнем случае – Беларусью.

Можно было попробовать заснуть, что при ее тяжелой голове не так уж сложно, но боль высасывала мозг и во сне. Скрыться от нее не было никакой возможности.

Бедная страдальца потеряла счет времени. В ее затуманенном сознании возникали проекты один фантастичнее другого. Например, пойти к Милке и попросить у нее какой-нибудь отравы, вроде цианистого калия, чтоб уж без долгих мучений, или дотащиться до отельного медпункта и попинать испуганную медсестричку бронзового цвета. Но и тот и другой план требовали перемещений, а это было не под силу ослабевшей Олеся, приходилось довольствоваться мечтами. Она уже начала подремывать, как вдруг прямо в воспаленный мозжечок ударил громкий стук. Кто-то ломился в номер. Превозмогая тошноту, она сползла с кровати и поползла открывать.

На пороге стояла улыбающаяся шоколадная женщина в белоснежном переднике и с огромным пылесосом в цепкой лапке. С минуту Олеся просто тупо смотрела на ее ровные, словно искусственные, зубы. «Хауз кипинг!» – догадалась смышленная туристка и закрыла перед носом горничной дверь.

Но сервис оказался настойчивее: стук тут же повторился. Олеся снова открыла и, криво улыбаясь из-за невыносимой ломоты в висках, жестами попыталась объяснить уборщице, что не нуждается в ее услугах. Уборщица посмотрела на нее еще внимательнее и сказала на чистом русском языке:

– Вообще-то я доктор.

Тут Олеся почувствовала себя совсем плохо и пропустила незваную помощь внутрь.

Пылесос на проверку оказался медицинским чемоданчиком, а белый фартук – халатом.

– Что случилось? – строго спросила незнакомка и достала из глубин своего саквояжа разные загадочные приспособления, пугающе поблескивающие никелем.

Олеся промычала нечто невразумительное.

Врач ловко измерила давление, поглядела зрачки, посчитала пульс и в конечном итоге вкатила страдальце солидную дозу загадочного обезболивающего, названием которого Олеся даже не успела поинтересоваться. Она была уверена, что лекарство не подействует, потому что дома при схожих обстоятельствах ей помогали лишь определенные препараты, работающие активно, как она выяснила теперь, только в пределах родины.

Но, вопреки ее мрачным прогнозам, боль начала быстро отступать, как морская волна во время отлива, и посвежевшая Олеся смогла наконец перевести дух. Впервые за этот злосчастный день. Зрение снова обрело четкость, в ушах перестала гудеть паническая сирена.

Она пришла в себя настолько, что даже могла уже интересоваться чем-то еще, кроме своей головной боли.

– Вы русская? – спросила она докторшу, когда та быстро собирала назад свои пожитки, складывая их в волшебный сундук.

– Почти, – ответила врачиха, – татарка.

– А я вас приняла за местную, – хихикнула Олеся, с восторгом ощущая, что может смеяться и даже поворачивать шею.

– А я и есть местная, – заявила гостя, решительно захлопывая крышку, – местная татарка.

– Подождите, – поперхнулась Олеся вдруг, – а денег вы с меня разве не возьмете? Я не успела позвонить в страховую.

– Обязательно возьму, если еще раз примете меня за обслугу, – фыркнула докторша и гордо удалилась, оставив после себя парочку пустых ампул в ведре для мусора.

Олеся блаженно откинулась на кровати, разбросав руки в разные стороны. В мозгу царила восхитительная легкость. Было так хорошо, что даже потянуло на приключения.

Когда она выкатилась из бунгало в широкий мир, Алекса, как назло, нигде не было видно.

Она прогулялась по пляжу туда-сюда, поиграла вместе с другими отдыхающими в бочу, от нечего делать посетила парочку отельных киосков, где накупила кучу сувениров для Ваньки, включая дивный кораблик, сделанный из скорлупы кокосового ореха, и в блаженной лени усеялась в открытом холле гостиницы на мягком повывавшем виды диване.

В Москве утро еще только начиналось, а здесь дело близилось к обеду. Запахи еды уже не вызывали рвотных рефлексов, и Олеся ощутила здоровый голод. Пока она выбирала, в какой из пяти местных ресторанов ей податься, неожиданно вдалеке на песчаной кромке отельной резиденции она углядела Соколовых. Супруги о чем-то ожесточенно спорили, вернее, это Милка, как обычно, отчитывала благоверного, не стесняясь использовать ненормативную лексику. Виктор и на этот раз был сдержаннее жены, но, в конце концов не выдержав, махнул рукой и быстро пошел прочь от мадам Соколовой.

– Привет, – окликнула Олеся подругу, – что случилось?

Утомленная солнцем, Людмила вползла под навес. Длинный цветастый сарафан на ней тоже выглядел усталым. Русые Милкины волосы выгоревшими прядями хаотично спускались на лоб и щеки. Олеся поймала ее расстроенный взгляд.

– Да, блин, зараза, все деньги вчера продул, – сказала Соколова и обреченно плюхнулась рядом с Олесей, вытянув вперед песчаные ноги в сандалиях.

– Виктор? – удивилась Олеся.

– А кто ж еще? Козел этот, конечно, больше некому! И заметь, все выиграли, кроме него.

– Продул во что? – еще больше удивилась подруга.

– В покер.

– В карты?! – ужаснулась Олеся.

– Ну не в автоматы же! Были бы, продулся бы и в них.

– Пипец! – отреагировала собеседница, сострадательно глядя на Милку. – Где он покер-то здесь нашел?

– Играют! – обреченно протянула та.

– И много проиграл?

– Пятьсот евро.

Олеся присвистнула. Она догадывалась, что это как минимум половина Милкиного бюджета. Для нее, Олеси, сумма была не смертельная, она могла бы, если б захотела, потратить

на свои удовольствия и больше, гораздо больше, но, зная соколовский скудный паек, Олеся вполне представляла себе Милкино разочарование.

– Не расстраивайся, – сказала она, – если что, я дам. Не проблема.

– Спасибо, – кивнула Людмила и жалобно всхлипнула, – но ты подумай, какой урод!

Зачем садиться играть, если не умеешь!

– Тебя что больше огорчает: что он играл или что не выиграл?

– И то и другое. Хотя больше, что не выиграл.

Олеся весело хмыкнула.

– Я так и думала.

– Да хрен бы с ним. Пойдем пропустим по коктейльчику. Спасибо, что бесплатно, – махнула рукой мадам Соколова.

Олесе всегда нравилась ее способность быстро переключаться с неприятных тем на позитивные.

– А этот картежник хренов до конца отпуска у меня в номере просидит. Я ему устрою, блин, покер. Никакой выпивки, никаких развлечений больше, кроме «Спокойной ночи» по телеку!

– Ну-ну, – Олеся иронично поглядела на подругу.

Зная Милкину отходчивость и азарт, за ближайшее будущее Виктора можно было особенно не переживать. Его супружница всегда первая выступала инициатором самых разнообразных авантур. Олеся не удивилась бы, если бы узнала, что это именно она и подбила мужа сесть за карточный стол.

– Страсть как накатить охота!

– Я пас, – предупредила Олеся, – я на колесах.

– То есть? – удивленная Милка зависла у дивана.

– Лекарств наглоталась от мигрени. Врач даже приходила укол делать, так башка раскалывалась. Ни копейки, кстати, с меня не взяла.

– Хорошо живешь – бесплатная наркота!

– Ага.

Милка внимательно оглядела подругу, усаживаясь обратно на диван.

– А где ты вчера-то была? Мы с Викой искали тебя, искали... Загоре-ела, – завистливо добавила она.

Олеся смутилась.

– Так, гуляла туда-сюда, – сказала она, потерев глаза.

– А-а, – протянула Соколова и улыбнулась, – надеюсь, удачно?

– Да я правда гуляла, – оправдывалась Олеся.

– Ну да, ну да. Продолжай в том же духе. А я пойду все-таки, посмотрю, что он там делает, говнюк такой.

Милка вздохнула и собралась отчалить.

– А обедать? – спросила Олеся с тайной надеждой на компанию.

– Какое там! Мы теперь на голодном пайке. Ну ничего, зато я похудею, – заявила Людмила легкомысленно и ушла, махнув Олесе растрепанной соломенной шляпой.

Полдень меж тем разгорелся не на шутку. Солнце выпекало блинчики на горячих плитах пола в лобби. Пластиковые шторы, обрамляющие арки входа и приятно шуршащие под мимолетным ветерком, соперничали в белизне с линией пляжа. Хотелось жить, быть молодой и независимой от обстоятельств и иметь в запасе еще лет тридцать, чтобы успеть устроить личную жизнь. При воспоминании об этой самой личной жизни Олеся загрустила и, наскоро перекусив в ближайшем кафе поданным ей салатом, отправилась в бунгало с намерением позвонить домой.

Еще утром она отрапортовала матери из номера и объяснила, что потеряла телефон, выслушав при этом в свой адрес много нелюбезных слов. Однако, чтобы загладить вину и пропущенные два дня общения, одного сеанса связи было явно недостаточно. Дабы успокоить родительские нервы, жертва должна была быть принесена не менее трех раз в сутки. Лежа в постели, Олеся напряженно размышляла, стоит ли также позвонить Андрею, но потом решила, что, пожалуй, чем меньше сейчас ей берeditь эту рану, тем лучше. Нелегкий выбор, скорее всего, тоже внес свою лепту в плохое Олесяно самочувствие.

Приключения с Алексом отвлекли ее от мрачных мыслей, а отсутствие повседневной тягостной скуки курортного отдыха повысило устойчивость к переживаниям. Все это было с утра, но сейчас, когда напряжение последних дней потихоньку спадало и ушло вместе с головной болью, любовные терзания снова начали одерживать верх. Она была готова помчаться к телефону и, несмотря на дороговизну связи, умолять любимого перекинуться с ней хоть парой слов, так одолела вдруг ее тоска в этот солнечный, радостный денек.

Олеся уже занесла ногу на помост, как вдруг увидела своего знакомого. Папин сын играл в пляжный волейбол с такими же молодыми ребятами, как и он сам. Причем в компании были не только мальчики. Созерцание сильных спортивных тел, равномерно загорелых и словно бы слепленных из иного материала, чем тела простых смертных, таких как, например, Олеся, расстроили ее больше, чем воспоминания о своей трудной женской доле. И Алекс был среди них своим и ничем не выделялся на фоне прочих эльфов. Он тоже был существом иной расы, и Олеся было странно, что, заметив ее, это существо помахало ей рукой и, отделившись от остальной компании, направилось к помосту.

Представители золотой молодежи мимолетом и издали окинули Олеся с ног до головы оценивающим взглядом, пошушукались и посмеялись, не считая ее хоть сколько-нибудь достойной более пристального изучения. Старшее поколение тут же почувствовало себя неловко.

– Привет! – поздоровался с ней депутатский ребенок, с мячом в руке переминаясь на месте от нетерпения.

Олеся кивнула. Она была искренне рада видеть мальчишку, но ей не хотелось привлекать внимание его друзей, демонстрируя более близкое знакомство.

– Ты хорошо играешь, – сказала она вяло.

– Давай с нами, – предложил Алекс.

Олеся тут же представила себе стареющую тетку, прыгающую по пляжу в обществе зеленых юнцов. Это еще хуже, чем понуро потеть у бассейна среди перепивших накануне алкашей и инвалидов! Нет, это не для нее!

– В следующий раз.

– В жизни не бывает следующего раза. Сколько живу, ни разу его не видел. Пошли! – настаивал Алекс.

– Нет, я не умею, – отбрыкивалась Олеся.

– Я научу.

– Потом. А сейчас мне нужно позвонить.

– Зачем? Сегодня же суббота, офисы не работают, – удивился ее знакомый, отфутболивая мяч нетерпеливым игрокам.

– Когда будут свои дети, тогда поймешь зачем.

– Успеешь, – и Алекс потянул ее за руку, – сами не звонят – значит, все нормально.

– Я телефон выбросила, забыл? – возмутилась Олеся.

– Ну они ж знают, в каком ты отеле, знают номер твоей подружки... Прекрати мямлить и пошли со мной!

Расстроенная Олеся нехотя повиновалась.

– Представляю, что о нас подумают твои друзья! – Олеся даже зажмурилась от этой мысли. Ноги сами затормозили и уперлись в песок.

– А что они должны подумать? – Алекс откинул со лба темную прядь.

– Черт-те что!

Олеся была уверена, что это аргумент, но наглец опять стиснул ее руку и потащил дальше.

– Вот именно, – притворно ворчал он по дороге, – подумают черт-те что, а мы с тобой еще даже толком не целовались. Поди объясни им, что у тебя все время голова болит. Между прочим, – он затормозил на полдороге, – как твоя голова?

– Полегчало, – пробурчала Олеся, – спасибо за заботу.

– Какую заботу?

– Только не ври, что это не ты подослал врачу. Сколько ты ей заплатил, кстати?

– Нисколько.

– Не свисти, пожалуйста.

– Пришлось стать донором почки.

– Это ты с одной почкой такой резвый в волейбол играешь?

– Это моя знакомая. Она – врач. Постоянно живет здесь. Согласилась помочь, только и всего. Бескорыстно.

Олеся недоверчиво вздохнула.

– Бескорыстно? Знакомая? Ты себя-то хоть раз в зеркало видел?

– А что со мной не так? – удивился мальчишка.

Подруга отодвинула его с дороги.

– Все с тобой не так, – заверила она его и тут же почувствовала первый предупреждающий удар в висок. Организм сигнализировал о возможном возвращении мигрени.

Олеся схватила за лоб.

– Черт, кажется, опять начинается. Как бы не пришлось в очередной раз твою подружку просить Христа ради.

– Я же сказал, знакомая, а не подружка. Ты слушать умеешь?

– Умею, – окрысилась Олеся, – а еще умею понимать между строк.

– Ну и ну! – воскликнул Алекс. – Я с ней даже еще и не спал, а чувствую себя, как будто женат лет двадцать. Твой муж случайно не из-за твоей патологической ревности слился?

– Спал? А ты не много на себя берешь, детка? – оскорбленная Олеся фыркнула нахалу в лицо и уже развернулась, чтобы гордо удалиться, но обида требовала добавить: – Мой муж – не твое дело, понятно?

Алекс засунул руки в карманы своих мятых матерчатых штанов и пожал плечами.

– Как скажешь.

Олеся увидела его быстро удаляющуюся спину и вихрастый затылок.

Как обычно в подобных случаях, она тут же ощутила неловкость. Все же парень хотел помочь. И что она, в самом деле, привязалась к этой докторше? Какое ее дело, кто они друг другу? Чего она взъерепенилась? Неужели и правда приревновала?!

Совершенно расстроившись, она уселась неподалеку от помоста, мрачно подбрасывая горсти песка в набегающую волну. Звонкий колокольчик боли уже тихонько позвякивал где-то глубоко в затылке. Олеся обреченно потеряла шею и тяжело вздохнула. Внезапно она почувствовала, как что-то заслонило ей солнце. Подняв голову и зажмурившись, она с трудом разглядела стройную фигуру. Алекс стоял над незадачливой подругой, широко расставив ноги и уперев руки в бедра.

– Ладно, – сказал он, и несчастная услышала примирительные нотки в его голосе, – пока ты между двумя мужьями, старым и новым, давай я о тебе позабочусь.

– Я сама о себе позабочусь, – прошептала она, чувствуя, как внезапная радость согревает ее сердце. Настроение сразу улучшилось, но женская честь требовала еще покочевряжиться.

– Вернешься на свой ринг, тогда – пожалуйста. А сейчас разреши лучше мне. Побуду немного мать-терезой.

Он протянул подруге руку, и та, пораздумав мгновение, с облегчением ухватила за его крепкую кисть.

– Давно у тебя проблемы с головой?

– В каком смысле? – Олеся тут же встала в стойку.

Алекс засмеялся.

– Я имел в виду, давно у тебя мигрени?

– Дольше, чем ты живешь на свете.

Алекс вдруг громко свистнул кому-то. Мимо проносящийся абориген с подносом в руках, явно из ресторанного обслуживания номеров, затормозил, узнав его, и подбежал, протягивая руку и на ходу выговаривая непроизносимое для Олесино слуха приветствие. Коротко переговорив о чем-то по-французски, насколько Олеся могла судить, эти двое наконец расстались к обоюдному удовольствию.

– Все нормально, – сказал Алекс и потянул ее за рукав свободной блузы, – хочу сводить тебя кое-куда. Сегодня можно. Пьер сказал, она работает.

– Кто? – насторожилась Олеся.

– Одна дама из местных. Увидишь.

– А ты уверен, что мне надо на нее смотреть? – засомневалась Олеся.

– Тебе на нее смотреть совсем не обязательно.

– А зачем тогда...

– Слушай, – Алекс вдруг остановился, – ты можешь заткнуться минут на тридцать? А там как пойдет.

– Хорошо, – пробубнила собеседница.

– Мы просто прогуляемся до соседнего поселка, тут неподалеку, кое-кого навестим и вернемся к твоему ужину. Идет? Я просто заскочу по делам, – добавил он.

Его спутница кивнула.

– У тебя есть дела? – не выдержала она моратория на вопросы.

– Навалом, – ответил ей сердитый Алекс.

Они шли по пляжу в сторону крохотного поселка аборигенов, притулившегося за мысом в неудобной каменистой бухте, редко переговариваясь, подбирая маленькие раковины и осколки кораллов. Прямо по курсу садилось бронзовое солнце, растянув алые рукава по всему горизонту. Зеленые, фиолетовые и рыжие полосы на все еще голубом дневном небе превратили обычную картинку нарождающегося вечера в волшебную иллюминацию, по-праздничному недолговечную.

Дорога медленно поползла в гору. Идти стало тяжело. Влажный горячий воздух превращал прогулку в нелегкое испытание, удваивая любое физическое усилие. Тяжело отдуваясь и не поспевая за тренированным другом, Олеся хотя и с перерывами, но все-таки взобралась на невысокий холм, с которого открывалась панорама на ее отель.

Далеко внизу розовая закатная гладь нежно покоила островки бунгало, плавающие меж редких перистых облаков, отраженных в заливе. Обычно кипенно-белый, песок прибрежной каймы поменял свой цвет и стал золотистым, как волосы ребенка, в которые так и тянет запустить руку, чтобы насладиться их шелковистым покоем.

Олеся глубоко вдохнула, стараясь восстановить дыхание, и огляделась.

Джунгли, окаймляющие тропинку, поощрительно махали ей широкими листьями монстер. А за ее спиной вставали еще горы, сплошь поросшие густым зеленым мехом с редкими проплешинами вырубков, на которых, толкаясь, ютились, подобно ласточкиным гнездам, кубики человеческого жилья.

Чтобы передохнуть, она присела на замшелый придорожный камень и с трудом перевела дух, недовольно поглядывая на спортивного Алекса.

– Не дрейфь, – сказал он ей, заметив выражение ее лица, – осталось немного. Всего каких-нибудь пару-тройку километров в гору.

– Мне уже можно ругаться, или все еще действует табу на разговоры?

– Обратно будет легче, обещаю.

Вскоре показались первые домики старого поселка в тропическом стиле: фанера и бетон на фоне радостно свисающих в виде смайликов проводов. Этих последних было так много и змеились они так густо, что казалось, где-то рядом находится трансформаторная подстанция для снабжения всей страны электричеством. На них, как на качелях, сидели задумчивые мартышки и печально взирали на проходящий мимо люд.

– Почему они не зарывают провода в землю? – удивилась Олеся.

– Муссонный климат. Полгода льет как из ведра. Смывает на хрен вместе со столбами, – объяснил ей Алекс.

– Но дома-то не смывает.

– Еще как! К тому же у всего, что упало на землю, такая бешеная скорость разложения, что тут даже мусорные свалки не воняют – не успевают. Местные микробы не то что изоляцию, они бетон запросто переработают.

– В каком страшном месте ты живешь! – пошутила Олеся, останавливаясь, чтобы еще раз как следует отдышаться после утомительного подъема.

– Не страшнее, чем Москва с ее вечно квакающей погодой и озлобленным населением.

– Не любишь ты родину, – посетовала она.

– Нет, отчего же... Это как в личной жизни: люблю, но предпочитаю свободные отношения, – ответил он с улыбкой.

Они миновали пустые прилавки вечернего рынка с его небрежным послевкусием и ржавыми опорами навесов, пройдясь дальше, поглазели на уличное кафе, куда, наверное, никогда не захаживала нога туриста и где темные от времени клеенчатые скатерти соперничали в экзотике с будоражащим запахом, доносящимся из огромного вока, стоящего прямо на мостовой. Рыжий кот, сражающийся с мартышкой за кусок банана, и черные птахи, похожие на скворцов и ворующие со столов съестное, имели абсолютно точно такое же право жизни на этой земле, как и люди. Тем более что Будда недвусмысленно намекал на бесчисленную череду перерождений, и кто знает, если ты неводержан в питии, не окажешься ли ты в следующей жизни именно тем облезлым псом, которого еще сегодня утром ты безжалостно пнул под дых ногой?

Наконец путешественники застыли перед скромным домиком, который привередливая Олеся назвала бы двухэтажной палаткой.

– Зайдем? – предложил Алекс и уже взялся за ручку двери.

Его подруга презрительно поморщила нос.

– Зачем?

– Здесь живет местная целительница, – объяснил он.

– Похоже на бордель.

– Она и есть бывшая проститутка.

– Проститутка? – удивленная туристка широко раскрыла глаза.

– А что тебя удивляет? Бывшая проститутка, а теперь целительница. По-моему, все логично.

Брезгливую Олеся передернуло.

– Ты ходишь по таким местам?

– Иногда, когда очень приспичит.

Подруга посмотрела на него повнимательнее.

– Ты издеваешься надо мной, что ли?

– Да нет, – Алекс рассмеялся, – она отличная массажистка и костоправ к тому же. Пускай посмотрит твою шею.

– Еще чего! – Олеся круто развернулась у дверей. – Если бы ты мне еще внизу сообщил, зачем мы лезем в гору, я бы сразу сказала, что по таким местам не хожу. Позвоночник – это такое дело, что доверять его можно только врачу-специалисту, и то только после того, как сделал снимок. Нет, – твердо повторила она, – ты как хочешь, а я ни за что!

– Зайдем хотя бы массаж сделаем, раз уж мы здесь, – предложил он.

– Чтоб дешевая путана, которая хрен знает сколько клиентов обслужила, лапала меня за все места? Я брезгую. У вас, мужчин, с этим как-то попроще.

– Хорошо, тогда подожди меня. Я скажу девчонкам, чтобы они дали тебе воды или сока.

Олеся с большой неохотой потянулась вслед за своим кавалером. Но не торчать же на улице, в незнакомом месте одной? Да и обратный путь уже в сумерках без провожатого не казался осторожной Олесе удачной идеей.

В полумраке салона звякнул дверной колокольчик, предупреждая хозяев о приходе гостей. Из-за шторы в глубине широкой прихожей, которая, судя по приземистым топчанчикам, стоявшим тут же, служила одновременно и массажной, показалась молоденькая, насколько Олеся могла судить, аборигенка, приветливо кивнула и тут же исчезла обратно. Олеся услышала, как она зовет кого-то гортанным глубоким голосом. В ту же минуту над головами прищельцев зажглась лампочка, освещающая приемную малиновым светом.

Олеся осмотрелась.

В самом дальнем углу притулилась треснутая раковина с большой бадьей антисептического мыла и маленьким полотенцем у овального зеркала. Широкие кушетки, укрытые цветастыми простынками, гостеприимно приглашали прилечь и отжаться рукам опытных мастеров. Причем, что с вами будут делать на сем ложе, знал только сам гуру, а вам как бы не полагалось и спрашивать. Направо от входа возвышалось маникюрное и педикюрное кресло, повидавшее зады многих клиентов, а в самом центре этого храма красоты торчала худенькая конторка с большим талмудом прихода и расхода, распахнутая на разлинованной карандашом странице.

Обувь следовало снять при входе. Олеся мысленно пожалела, что не надела носки. Ей припомнились стерильная атмосфера и яркое освещение московского спа-салона, который она посещала еще до того, как приобрела собственную кушетку и личного массажиста на дому два раза в неделю.

Контраст впечатлял. Еще немного раздумий, и она, пожалуй, отказалась бы даже пить здесь воду – кто его знает, моют ли они вообще стаканы после своих клиентов, – как вдруг та же самая занавеска в глубине зала распахнулась – и показалась сама хозяйка. Олеся увидела полную невысокую женщину лет шестидесяти, с густыми усами и тусклыми, как будто выгоревшими, глазами. Прилизанные, с проседью волосы, бывшие когда-то черными, были стянуты на затылке в конский хвост простой черной резинкой. Круглое лицо, покрытое светло-коричневыми пятнами, немедленно расплылось в дежурной, как подумалось гостье, улыбке, как только хозяйка заметила Алекса.

Они поздоровались за руку и заговорили по-английски, но так быстро, что Олеся с трудом разбирала отдельные слова. Было очевидно, что эти двое давно знакомы. На помощь пожилой даме, которая ласково и даже, как показалось Олесе, интимно похлопывала своего клиента по плечу и спине и совсем не обращала внимания на притихшую и смущенную Олесю, пришла молодая девица, та самая, что первая встретила их. Она называла толстую мадам «мама», и испорченная Олеся тут же решила, что это обычное обращение проститутки к хозяйке борделя, в котором она трудится.

Обе женщины абсолютно игнорировали гостью. И только когда депутатский сын, кивнув в ее сторону, что-то сказал, они заулыбались и ей как родной.

– Это мадам Мина, – сказал Алекс, представляя толстуху, которая разглядывала Олесю умными маленькими глазками. Под ее пронизательным взглядом та еще больше стушеввалась.

– Она говорит, что может тебя посмотреть.

– Нет-нет, – заулыбалась Олеся и слегка попятилась, – в следующий раз.

– Как хочешь, – согласился Алекс и переключился на беседу с хозяйкой.

Та весело закивала и захихикала в ответ, прикрывая рот ладошкой, а потом вдруг игриво шлепнула его по задку и погрозила корявым пальцем. Алекс притворно вскрикнул и чмокнул целительницу в круглую щеку. Вся троица: мать, дочь и их гость, – пребывая в совершенном восторге, проследовали за занавеску, оставив Олеся наедине со своими страхами.

За широкими окнами салона упал вечер. Редкие прохожие, в основном местного производства, спешили по домам, лишь иногда кидая нелюбопытные взгляды в сторону Олеси. И вот, когда она уже думала, что попала в самое гнездо разврата, где Алекс, по-видимому, был своим человеком и теперь отправился развлекаться в обществе двух нимф, постарше и помоложе, кто как любит, она услышала, что ее кто-то окликает. Мадам Мина собственной персоной манила ее рукой в сторону топчана. Ничего не подозревающая гостья не успела опомниться, как оказалась завернута в плотную кабину, ловко зашторенную хозяйкой. Женщина ткнула в Олеся пальцем и кивнула на лежанку. Испуганная заложница в ужасе затрясла головой.

– No money, – заверила ее аборигенка и добавила, – it's a present.

А потом сама начала ловко стягивать с Олеси ее блузку. Как ни сопротивлялась застигнутая врасплох бедняжка, ей ничего не оставалось делать, как подчиниться. Смущенная, она неловко улеглась на цветастую простыню и уткнулась лицом в старое выцветшее полотенце, а толстуха тут же уселась на нее верхом, придавив Олесиные ноги.

Мысленно на чем свет стоит Олеся крыла Алекса за то, что втянул ее в этот сомнительный эксперимент, и приготовилась дать отпор, если массаж спины станет совсем уж жестким. Но на удивление руки мадам Мины оказались мягче, чем она того ожидала. Нежно поглаживая кожу, они ласково, но настойчиво разгоняли кровь, так что вопреки своей воле Олеся вдруг расслабилась и перестала обращать внимание и на застиранную простыню, на которой лежала голым торсом, и на убогость окружающей обстановки. Слабый аромат кокоса, не тот резкий искусственный запах, который можно унюхать теперь в любом магазине России, а мягкий волнующий его прообраз, навевающий воспоминания о нераскрывшемся бутоне и солоноватом кокосовом молоке, приятно возбуждал воображение и успокаивал нервы одновременно. Настойчивые пальцы массажистки прошли по узлам вдоль позвоночника туда и обратно несколько раз, разминая Олесину чакру, и наконец добрались до шеи. Олеся приготовилась получать наслаждение.

– Проблем, – сказала вдруг хозяйка и неожиданно треснула плотно сжатым кулаком разнежившуюся клиентку по уплотнению около позвоночника.

Олеся и сама знала, что в шейном отделе у нее неполадки. Ее мастер тоже говорила об этом, намекая, что головные боли, очень может быть, ведут свое происхождение именно из этих отделов. Но она никогда не дубасила свою клиентку по загривку, как это сделала непредсказуемая мадам Мина.

Хозяйка салона больно надала на Олесин остеохондроз и принялась разминать его всеми известными ей способами, отчего у ее подопечной чуть глаза на лоб не повылазили. Но все-таки, Олеся была вынуждена это признать, за болевыми ощущениями, на каждой оттяжке после очередного нажима, она чувствовала необыкновенное удовольствие, эдакое садо-мазо, сигнализирующее, что бастионы жировой клетчатки сдаются под мощным напором сильных пальцев.

Когда мадам Мина закончила свои издевательства и снова перевела Олеся в сферу приятных ощущений, мягко массируя мышцы, по Олесиной спине пробежала дрожь наслаждения сродни сексуальному. Она подумала, что ей надо сменить московского массажиста на кого-нибудь вроде мадам Мины. Тая под ее руками, Олеся даже начала было уважать самую древнейшую из профессий, как вдруг удовольствие закончилось, и она почувствовала, что ноги ее свободны, а хозяйка, весело посмеиваясь, приглашает ее одеваться.

Немного смущаясь, Олеся вышла из-за ширмы. Ей казалось, что она сбросила какую-то страшную обузу со своей шеи, ношу, которую ей приходилось тащить изо дня в день и которая все больше и больше пригибала ее к земле. Теперь же ничего этого не было. Свободная от тяжелых мыслей голова и шея, поворачивающаяся на сто восемьдесят градусов без мерзкого скрипа, острые лопатки и восхитительно легкий затылок подарили ей ощущение вернувшейся юности. Олеся почувствовала благодарность и восторг. Ей захотелось поделиться своими впечатлениями с Алексом. Но он был занят разговором с высоким немолодым европейцем.

Поначалу Олеся подумала, что краснолицый гигант – очередной клиент мадам Мины, но когда тот уселся за конторку и углубился в чтение балансов, а молоденькая «дочурка» хозяйки назвала его «папа» и, капризная, поцеловала снисходительного великана в щеку, она поняла, что действующие лица этой пьесы не вписываются в ее стереотипные жизненные установки.

– Это Роберт, – пояснил ей молодой приятель, покидая салон, – муж мадам Мины. Он – англичанин, бывший морской пехотинец, приехал служить – да так и остался.

– Женился на проститутке? – спросила Олеся, широко раскрыв глаза от удивления.

– Здесь люди по-другому к этому относятся. Все, что связано с телом, требует физической чистоты. Они вообще относятся к чистоте как к фетишу. В твоём доме может быть бедненько и уныло, но обязательно чисто. Если ты неряха и у тебя грязь по углам катается, то значит, у тебя и в голове такой же бардак. Грязь – это грех. Поэтому не бойся заходить в любой салон и даже покупать еду у уличных торговцев, для них чистота – вопрос чести. А что касается секса и вообще физического удовольствия, то это всего лишь тело – оболочка. У азиатов душа и плоть не смешиваются, как у нас, у европейцев. Другой менталитет.

– А что ты делал за занавеской с дочерью мадам Мины? – ворчливо поинтересовалась Олеся. – Наводил чистоту?

– Массаж, как и ты. Просто для мужчин отдельная комната, вот и все.

– Ага, – усомнилась Олеся, – они там, небось, не только массаж практикуют.

– Случается, – лукаво улыбнулся мальчишка, – по желанию клиента.

Олеся треснула его по спине.

– И часто у тебя возникает такое желание?

– Я ж говорю, только когда сильно приспичит, – смеялся Алекс.

– Да ну тебя, – Олеся махнула на него рукой, – мне-то, вообще, какое дело? С кем хочешь, с тем и практикуйся. Хоть с докторшей, хоть с мадам Миной. Мне фиолетово.

– Оно и видно по твоей неудовлетворенной физиономии.

– Что? – Олеся даже не успела возмутиться.

– Кстати, Мина сказала, что тебе одного сеанса мало. Семь-восемь раз как минимум, и полгода проживешь без боли, а потом, как она сказала, опять приедешь, и она тебе еще раз мозги вправит. И так до бесконечности.

– Понятно, почему ты здесь постоянно живешь! – парировала злая Олеся.

Алекс опять рассмеялся.

– Слушай, на тебя сердиться совершенно невозможно. Ты просто уникал в своем роде.

На поселок меж тем пала ночь. Салон массажа погасил огни, поглотив в своем чреве его сонных обитателей, которые, по-видимому, и жили на рабочем месте. Перевернутый огрызок луны корабликом висел в ночном небе над слабо освещенной поверхностью бухты. Редкие сигналы далеких лайнеров терялись в неподвижности океанского горизонта.

Олеся поежилась, вглядываясь в непроницаемый мрак поселковых кустов.

– Ну, и что дальше? – спросила она, наблюдая, как приятель неторопливо закуривает сигарету. – Тетя Мина, кстати, не сказала тебе, что много курить вредно?

– У некоторых народов считается, что и секс вредно. Вопрос мировоззрения.

– А-а, – протянула незадачливая любительница приключений, – как до отеля-то добираться будем? Я по ночным джунглям не хожу.

– Роберт едет в город. Он согласился подбросить нас по дороге. Так что не волнуйся, доедем с комфортом.

Олеся наконец поняла, чего они ждут возле уже мертвого салона.

– И скоро он появится?

– Скоро. Пойдем пока пройдемся метров двести по поселку, он нас подхватит по дороге, – предложил Алекс, отбрасывая окурок в канаву на обочине.

– А здесь безопасно? – поинтересовалась его осторожная подруга, с опаской поглядывая на темные окна домов, прикрытые плотными ставнями, сквозь которые кое-где пробивался луч света.

– С тобой я ничего не боюсь, – пошутил Алекс и медленно побрел вниз по дороге.

Олеся взяла его под руку и, сонно моргая, поплелась рядом, уставшая от всех переживаний дня.

В придорожной канаве, поросшей бамбуком, шептался ручеек местной канализации. Длинные пологие стебли растения терлись друг о дружку, загадочно переговариваясь на разные тона.

– Что это за звук? – вдруг спросила Олеся, напряженно прислушиваясь к плотному жужжанию вокруг. – Цикады?

– Лягушки, – ответил Алекс.

– Здесь есть лягушки? – удивилась Олеся, которая искренне считала, что квакушка – это изобретение российской фауны. А в тропиках должно водиться нечто более экзотичное, вроде мухи цеце или ядовитой мамбы.

– Здесь еще есть комары и коровы. Почему бы здесь не быть лягушкам, господи ты боже мой! Ты что, на другую планету прилетела?

– Ну не знаю, – протянула пристыженная Олеся, – странно все это.

Тем временем издали послышался приближающийся треск примитивного мотора. Их нагонял маленький фургон, запряженный мопедом, за рулем которого сидел все тот же серьезный пехотинец преклонного возраста в надвинутом по самые брови шлеме. Видимо, привычка носить каску именно таким образом проистекала из времен его боевой молодости.

Слегка раздвинув губы в улыбке, он вполне дружелюбно кивнул куда-то себе за спину.

– Мы что, поедem в кузове? – возмутилась Олеся, с подозрением оглядывая облупившееся чрево автотранспорта.

– Ты предпочитаешь идти пешком? – осведомился ее юный друг и первый ловко запрыгнул внутрь. Поколебавшись, Олеся с тоской закинула ногу следом и с трудом, не без посторонней помощи, втащила себя на жестяное дно фургона.

Мопед чихнул и тронулся в путь, поскрипывая на ухабах. Ветер тут же подхватил Олесины волосы и взъерошил их в художественном беспорядке.

– Я еще успею на ужин? – спросила она Алекса, задумчиво глядящего на далекие океанские огни.

– Я не ношу часов, – ответил он, – ты проголодалась?

– Не в этом дело. Я обещала подруге поужинать сегодня вечером вместе. Боюсь, без меня им не на что будет и хот-дог купить.

И Олеся рассказала Алексу историю незадачливой четы Соколовых и их тяги к азартным играм.

– В покер? – переспросил Алекс с подозрением, удивившим Олесю.

– Так она сказала.

– С кем они играли, ты знаешь?

– Понятия не имею, и меня это мало интересует.

– Это как раз то, что должно интересовать тебя в первую очередь, когда садишься играть, – и он вдруг застучал по крыше кабины водителя.

– Что ж раньше не сказала? – попенял подруге недовольный Алекс и выпрыгнул наружу, оставив ее в недоумении.

Он о чем-то коротко переговорил с Робертом и только после этого снова оказался в кузове. Мопед меж тем начал неожиданно разворачиваться.

– Куда это мы? – перепугалась Олеся, когда грузовичок натужно затарахтел обратно в гору.

– Забыл навестить кое-кого.

– А до завтра это не подождет?

– Я быстро, – заверил ее парень.

Неуклюжий фургон миновал поселок пехотинцев, как мысленно окрестила его Олеся, и двинулся дальше по тонкой асфальтовой полосе вдоль моря. От немилосердной тряски у Олеси заболели внутренности, но она не жаловалась, так как смутное подозрение волновало ее сейчас больше, чем любые дорожные неудобства.

Через десять минут не самой лучшей в жизни Олеси езды чудо-транспорт затормозил перед двухэтажной коробкой какого-то здания, напоминающего автомастерскую. Алекс ловко выпрыгнул из фургона и, приказав Олесе оставаться на месте, поднялся на невысокое бетонное крыльцо с грубыми серыми балясинами. Следом за ним неторопливо, но вполне уверенно последовал и краснолицый Роберт, так и не потрудившись снять шлем.

У Олеси нехорошо засосало под ложечкой. От мальчишки можно было всего ожидать, успокаивало только то, что он, по крайней мере, был не один.

Входная дверь мигнула коридорным светом, пропуская пришельцев внутрь, и Олеся затаилась, приготовившись услышать как минимум нецензурную брань, а может быть, даже автоматную стрельбу. Она сидела одна на дюралевой подложке кузова посреди темной улицы, в окружении спящих домов, в ожидании катастрофы.

И вдруг она поймала себя на мысли, что ее жизнь никогда еще не была такой увлекательной и полной, что, несмотря на очевидную непривычность ситуации и декораций вокруг, ей нравится быть здесь, нравится ждать двух мужчин, которые пошли выяснять отношения с нечистым на руку прохвостом, эта темень и запах карри, смутно доносящийся из-под крытого навеса неподалеку, таинственный шепот какого-то растения в овраге, крутыми уступами спускающегося к морю, и огрызок незнакомого месяца, который, не освещая ничего, просто торчал в небе бессмысленной деталью бытия.

За весь день она ни разу не вспомнила о своих проблемах. С тех пор как она встретилась с Алексом, все ее мысли и чувства были подчинены получению наслаждения от жизни, чего она не то чтобы не могла позволить себе в обыденной московской действительности – ее финансов хватило бы на самые экзотические развлечения, которые могла предложить ей столица, – но она даже не знала о существовании этих простых и ничего не стоящих в материальном плане удовольствиях, а если о каких-то и слышала, всегда думала, что это не для нее.

Как, например, эта авантюра с карточным шулером. Все удивляло в ней Олесю. И то, что Алекс без всяких просьб с ее стороны откликнулся на чужую беду, и то, с какой само собой разумеющейся готовностью поддержал его Роберт, у которого своих дел было по горло. Мир мужской солидарности был незнаком Олесе, она не привыкла, что люди сообща решают и делают важные вещи. Разобщенность человеческой массы, в которой она прожила всю свою жизнь, являлась нормой социума, где всяк был сам за себя и даже мимолетное прикосновение к чужому бытию могло обернуться лавиной катастроф.

А теперь ей все нравилось. Она чувствовала защищенность, как будто это были ее деньги и ее честь, за которую вступилась парочка совершенно посторонних ей мужчин. Она ощущала их поддержку и спокойную уверенность хозяев жизни. Они были надежными. За ними, пожалуй, можно было спрятаться. И не бояться быть женщиной.

Вокруг стояла гнетущая тишина, нарушаемая только далеким лаем собак, привязанных к своим будкам где-то в горных поселках, да шорохом ветра в пальмовой листве. Из дома, где скрылся Алекс, не доносилось ни звука. Его бетонный фасад по-прежнему хранил непоколебимое молчание. Воображение Олеси рисовало удручающие картины.

Внезапно дверь безо всяких предупреждений распахнулась, и она увидела депутатского сына, спускающегося по ступенькам. Вслед ему неслись вопли, весьма похожие на брань. В ярко освещенном проеме показалась фигура пехотинца, что-то объясняющего шуплому, неопределенной наружности субъекту с запекшейся на лице кровью, громко вопящему и все рвущемуся в бой. За его спиной маячили подозрительные тени, которых Олеся испугалась, потому что вернувшийся было Алекс спровоцировал новый виток агрессии и тем самым возбуждал их активность. По всей видимости, назревало продолжение потасовки, имевшей место всего несколько минут назад. К счастью, арбитраж Роберта развел противников по углам, и вскоре мрачный Алекс запрыгнул в кузов и упал рядом с притихшей подругой.

Когда англичанин занял свое место за рулем и мопед тронулся в путь, она наконец решилась заговорить, кивая назад, на освещенное крыльцо.

– Это ты его так отделал? – спросила она тихо.

Алекс хмыкнул и вложил что-то в нервно подрагивающую Олесину руку.

– Нет, это он упал где-то. Возьми.

Открыв ладонь, она увидела скомканные евро.

– Что это? – удивилась она. – Не надо.

– Возьми, я сказал, – отрезал Алекс сердито, – отдай своей подружке, пусть купит хот-дог.

Олеся промолчала, и пока мопед набирал скорость, старательно боролась с чувством неловкости, глядя на скорчившегося в углу кузова парня.

– Не стоило рисковать из-за денег.

Алекс очнулся, сонно мигнув.

– Деньги тут ни при чем. Есть один тип, очень мутный. Мы в прошлом году выгнали его с нашей территории. Шулер. Чистил туристов. И вот опять появился, видно, плохо понял.

– И ты ему объяснил? – гордая своим кавалером, Олеся подсела к нему поближе.

– Не я, скорее Роберт. И еще люди найдутся, – нехотя проговорил Алекс, зевнув. – Выпьем что-нибудь?

– Уже поздно, все закрыто.

– А бар на что?

Роберт высадил друзей у отеля, а сам исчез в плотной тени хозпостроек, бодро просигналив на прощание.

Бар уже погасил огни. И они сидели в полной темноте, потягивая крепкий коньяк, или то был бренди, расслабленные и полусонные, под аккомпанемент набегающих волн.

После всех треволнений этот незапланированный бокал был как нельзя более кстати. Терпкий напиток приятно возбуждал аппетит, расслаблял мышцы, уставшие за долгий день, и восхитительно кружил голову, выметая весь мусор мыслей и скопившийся нервный шлак из утомленного и переполненного информацией сознания.

Олесе показалось, что ее щеки касается нечто теплое, бархатное. Может быть, то был ночной бриз, а может, это мальчик рядом легко провел ладонью по ее лицу. Она уже почти спала и грезилась наяву, когда вдруг вдалеке из сплошного океанского мрака показались, точно светлячки, слабые далекие огни, они росли, приближаясь, и танцевали на окрепшем ветерке подобно диковинным насекомым, хранящим в своем брюшке живой мерцающий огонь. Олеся, как замороженная, глядела на их волшебный танец, заинтригованная необычным явлением природы, пока не поняла, что таинственные сигналы – это габаритные огни мачт длинных туземных лодок, целой ватагой причаливающих к берегу. Их алые паруса, освещенные пят-

нами, придавали картине какой-то особый, дикий сюрреализм, тем более что до Олесиного слуха не доносилось ни единого звука: ни окрика, ни плеска волн, как будто она видела сон, прекрасный и загадочный. Бесшумно лодки причалили к берегу, бесшумно двигались вокруг них фигуры странных людей почти без одежды.

– Кто это? – дрогнув, спросила она.

Алекс посмотрел в направлении, куда указывала впечатлительная подруга.

– Морские цыгане, – сказал он и качнул пузатым бокалом, из которого до Олесиного носа тут же донесся терпкий аромат винограда и старого дуба, – я как-то путешествовал с ними целый месяц.

Олеся взглянула на него с восторженным ужасом.

– И ты не испугался?

– Чего?!

– Ну не знаю, – она повела плечами, – дикие люди, дикие нравы.

– Это в Москве нравы дикие. Ты же не боишься там жить?!

– А чем они промышляют?

– Как и обычные цыгане – чем бог пошлет. Только вместо лошадей у них лодки. Но тяга к свободе такая же, а может быть, даже и сильнее. Правительство как-то попыталось их приручить, выделило коттеджи под жилье, построило школы и торговые центры – ничего не вышло. Тот, кто рожден свободным и чьи предки никогда не знали ярма, вряд ли оценит блага цивилизации и предпочтет их кочевой жизни.

Олеся посмотрела на слабо колыхающиеся борта деревянных рыбин, вдохнула запах соли и йода, припомнила морских чудовищ из Ванькиной детской книжки о монстрах и огромные волны, нарисованные на первой странице, и тут же захотела домой, под сень уютного абажура в безопасном комфорте жилища с нормальной крышей над головой, центральным отоплением и холодильником, полным всяческой снеди.

– Кошмар, как люди живут! – воскликнула она, поеживаясь.

Алекс взглянул на нее с иронией.

– В прошлом году один мой приятель из местных в первый раз ездил в Бангкок по делам своей жены. Вернулся в шоке. Говорит, еле ноги унес, дышать нечем, ходят все в затылок друг за другом. Его там еще и ограбили. Поклялся, что больше ни ногой. Нанял посредника, хотя не сказать чтоб у него водились лишние бабки.

– А цунами? – завредичала Олеся.

– А гипертонические кризы и рак?

– Нищета?

– Террористы? – парировал Алекс.

– Вот именно. Везде есть свои плюсы и минусы.

– Назови-ка свои, – потребовал он, с интересом оглядывая подругу с ног до головы, – очень хочется позавидовать.

Олеся поупрямилась, но потом сдалась.

– Деньги, – вынесла она свой вердикт.

– Можно и здесь заработать при желании, – тут же откликнулся Алекс.

– Но не такие, как в Москве.

– А на что тебе иметь «такие»? Ты их собираешься с собой в загробную жизнь взять?

– Бабла много не бывает, – убежденно произнесла Олеся расхожую фразу.

– Если только чахнуть над ним, как Кошей Бессмертный, или пускать в дело, как Скрудж. Ты хочешь завести заводы и пароходы? В этом видишь смысл своей никчемной жизни? Хорошо, – согласился парень, – допустим. Что еще?

Олеся поколебалась.

– Культурный досуг.

- А... Это театры, кино, консерватория и мюзик-холл? Или ты имеешь в виду шопинг?
- И то и другое, – набычилась Олеся.
- Часто ходишь в театр? Когда последний раз была в музее? Не представляешь себе жизни без искусства? Да ты, наверное, живешь во Флоренции? И вообще человек Возрождения?
- Не важно. Сама возможность... В любой момент...
- В десяти верстах отсюда есть храмовый комплекс, расстояние примерно такое же, как от тебя до любого музея, если не меньше. Ему три тысячи лет. Хочешь искусства – присоединяйся к археологам, узнаешь все не из музейного перевернутого буклета, а из первых уст.
- Ты понимаешь, о чем я, – она начала раздражаться.
- Когда в последний раз слушала живую музыку?
- Мне некогда ходить по концертам. У меня работа, дом, престарелая мать и ребенок, – окрысилась Олеся.
- Ты их, должно быть, ненавидишь!
- Это еще почему? Я их люблю.
- Они же не дают тебе жить. Тебе даже музыку слушать некогда!
- Ты не поймешь, – повторилась Олеся, ставя свой бокал со стуком на столешницу, – дети – сами по себе большое счастье, помимо концертов и театров.
- Да, но что ты им можешь дать, кроме денег, если ты даже музыку не слушаешь? О чем им с тобой говорить?
- Прекрати! – Олеся зло толкнула друга в бок, и коньяк выплеснулся на его белые штаны. – Когда подрастешь и обзаведешься своими – тогда и обсудим, – подытожила она и поднялась, чтобы уйти, но Алекс удержал ее за руку.
- погоди! А в позапрошлом году к нам приезжала сама Мадонна загорать!
- Олеся вырвалась и быстро пошла прочь. Из темноты к ней летел хохот мальчишки.

День пятый

Олеся раздвинула шторы в своем бунгало и выглянула наружу. Полуденное солнце радостно поливало веранду и ротанговые лежаки золотыми потоками энергии. Сладко потянувшись, она выползла из своего убежища и, подойдя к краю платформы, уселась на горячие доски, болтая ногами в воздухе. Кончики ее больших пальцев касались гладкой поверхности воды, и было необыкновенно приятно ощущать ее прохладу и ласковое прикосновение.

Спала она плохо, вероятно, сказалось перенапряжение последнего дня, и теперь пыталась наверстать упущенное, прислонившись лбом к ржавой железной перекладине, венчающей лестницу в океан.

После обязательного утреннего разговора с матерью единственное, чего она хотела, это наслаждаться покоем и одиночеством, абстрагировавшись на время от целого сонма проблем, вываленных на нее заботливой родительницей. За пятнадцать минут беседы Олеся успела узнать, что она тунеядка и плохая мать, что сын по ней ничуть не соскучился, а из школы принес очередную и вполне закономерную пару, коль скоро им никто не занимается, и что соседи напротив наверняка варят какое-то зелье, так как из их квартиры постоянно воняет.

Олеся представила свою престижную новостройку с мраморным холлом и драценами в кадках и невольно стала прикидывать, во сколько ей обойдется еще одна перегородка, на сей раз внутри коридора, с непременно сейфовой дверью и глазком, чтобы оградить чувствительное обоняние Ирины Анатольевны от назойливых соседских запахов.

Внезапно раздался резкий свист, и Олеся увидела Алекса, машущего ей с ближайшего языка помостов с точно такими же бунгало, как у нее.

Она тихо застонала, схватившись за голову. И пошла открывать.

– Есть идея, – заявил с порога Алекс, вваливаясь в Олесиного жилище.

Сегодня он выглядел еще моложе, чем вчера, и Олеся позавидовала его способности восстанавливаться после столь активно проведенного дня – ни тебе синяков под глазами, ни гудящей головы, ни вялости во всех членах.

– Иди в пень со своими идеями, – ответила она.

Но все-таки, несмотря на то, что ей смертельно не хотелось шевелиться, а появление мальчишки грозило очередным приключением, ей было приятно, что он пришел. И это опять был плохой знак.

Олеся вздохнула.

– Ну, чего тебе? – нехотя спросила она, усаживаясь обратно на свое место у перекладины.

– Есть хочешь?

Алекс со всего размаху плюхнулся рядом.

Олеся покосилась на него с подозрением.

– У меня завтрак оплачен, а я еще ни разу не была, – сказала она и опять вздохнула, мрачно поглядев на своего визави.

Алекс даже присвистнул.

– Вообще-то уже ужин скоро! И потом, охота тебе овес жевать?! Пойдем со мной, кое-что покажу, – Алекс вскочил и протянул ей руку.

Олеся взирала на него снизу вверх сквозь приставленные ко лбу пальцы, загораживаясь от солнца. Она колебалась.

– Это что-то съедобное?

– Вполне. Только вчерашнего Гуччи оставь дома. Надень лучше штаны поудобнее.

Олеся насторожилась.

– Что это за ресторан, в который пускают только в штанах?

– Очень хороший, три звезды Мишлен.

– Пошел к черту!

– Что ты за человек! Чтоб тебя с места поднять, нужен кран!

– Я сюда приехала отдыхать.

– А я думал, трахаться, – и поганец изобразил неприличные стоны, отчего целомудренная в глубине души, где-то очень глубоко, Олеся пошла красными пятнами.

– Пошел к черту, я сказала!

– Как хочешь, останешься голодная.

– Не останусь, – заупрямилась Олеся, хотя внутри после вчерашней аскезы громко, как мартовский кот, выясняющий отношения с соперником, заурчал возмущенный желудок.

– У тебя там что, Чужой завелся? – фыркнул Алекс и кивнул на ее живот.

– Да. Так что держись от меня подальше, а то вылезет и сожрет тебя, понял?

– Понял, – легко согласилось депутатское чадо и отчалило прочь под недоумевающий Олесин взгляд, перекинув через плечо мятую белую рубашку, – пойду поищу кого-нибудь помоложе, из кого песок еще не сыпется.

Олеся почувствовала закипающее раздражение и даже обиду.

– Давай-давай, топай, дитя природы.

– Оревуар, мон шер маман!

– Щенок!

– А тут а лер!

Олеся не знала, что значит «атуталер», но звучало обидно. Стало до слез себя жалко. Поднявшись, она нехотя побрела в номер и завалилась обратно на кровать. Она и сама не знала, почему отказалась поехать с Алексом, в тот момент решение казалось ей правильным, а теперь... теперь он подберет какую-нибудь разнузданную девицу из тех, что в большом количестве виснут на нем по вечерам, и вместе они посмеются над Олесиной несговорчивостью за бокалом прекрасного вина в шикарном ресторане.

Вселенскую грусть заглушили новые позывы голода. Надев легкие бриджи и топик, Олеся двинулась на поиск еды. Через пять минут она уже стучалась в номер к Соколовым, надеясь разделить с ними свою горькую одинокую трапезу. Увы, тщетно, Милкино семейное гнездышко безмолвствовало.

На ресепшен Олесе доложили, что чета Соколовых еще утром отбыла на рыбалку с обедом и ужином, так что ждать возвращения друзей не имело смысла. Расстроенная Олеся удрученно поплелась к ресторанам. Мысль вкушать пищу в одиночестве не казалась ей теперь привлекательной. Всеми покинутая мученица совести решила уже, что самым лучшим выходом из положения будет заказать еду прямо в номер, как вдруг, оглянувшись, увидела вдалеке знакомую, белеющую в наступающих сумерках рубашку. Рубашка сидела на мопеде, поджав под себя одну ногу, и как ни в чем не бывало болтала с длинноногой блондинкой в бикини. Олеся немедленно почувствовала удар в сердце, а может, и в желудок. Рубашка увидела ее и махнула рукой, но Олеся решила быть гордой. К тому же она представила, как невыгодно будет смотреться рядом с юной моделью, и отмела в сторону предательскую слабость.

Неожиданно сзади натужно затарахтел мотор.

– Что, голод не тетка?

Мопед Алекса тяжело барахтался рядом, с рычанием разбрызгивая по сторонам фонтаны мокрого песка.

– Я так и знал, что ты передумашь. Садись, – скомандовал он и кивнул назад.

Олеся с опаской покосилась на короткое сиденье.

– Для престарелой тетки такой транспорт не годится, я уже выросла из подросткового возраста.

– Есть захочешь, еще не так раскорячишься. Садись, – настойчиво повторил мальчишка и поддал рыку на своем мопеде.

Вздохнув, Олеся с сомнением попробовала приноровить свой зад к узкому краю темного сиденья, но раздумывать ей не дали. Железный конь моментально рванулся с места, так что несчастная всадница чуть не вылетела из седла и просто вынуждена была вцепиться мертвой хваткой в спину впереди сидящего кавалера. Мстительную Олесю грела мысль, что у него теперь точно останутся синяки. Но долго думать на эту тему она не могла, так как пришлось бороться за существование, изо всех сил пытаясь удержаться на сиденье. Встречный поток ветра заглушал отчаянные Олесиные вопли. Пальмы со страшной скоростью неслись ей навстречу, выскакивая из сумерек на дорогу. Сто раз проклиная себя за легкомыслие, она теперь молилась только об одном – доехать до ресторана живой.

Однако постепенно ход выровнялся, дикие прыжки на песчаных ухабах прекратились, и мопед, уверенно урча, помчался ровно по шоссейной дороге, неведомо откуда взявшейся в этом диком туристическом краю.

Быстро мелькала грязная обочина. Вдоль нее плыли обвалившиеся торговые киоски и остовы старых складов, поросшие буйной тропической зеленью. Стремительно темнело. Внезапно впереди открылась обширная панорама большого залива и порта в нем. Одинокий луч маяка прорезал дальний конец мыса, прошелся над лебедками и кранами и растаял в океане. Город приветливо замигал огнями фонарей над серыми бетонными лачугами окраин.

Мопед дернулся и, свернув на перекрестке налево, в сторону вздыхающего залива, выскочил к никогда не спящим докам, прошелся к ним по касательной, взметнув за собой портовую белую пыль, перемешанную с мукой и цементом, и наконец затерялся где-то на узких улочках рыбацкого района. Одноэтажные трущобы с их курами на дороге, играющими детьми, сохнувшим бельем, развешенным прямо на фонарях, стариками, вкушающими вечернюю рюмку в драных креслах, бывших когда-то автобусными сиденьями, – все пронеслось мимо, выплюнув путешественников на широкое шоссе, забитое точно такими же мопедами и пассажирскими таратайками, еще вчера работавшими на ослиной тяге.

Когда Алекс наконец остановился и слез со своего мустанга, Олеся не увидела ничего, кроме скромных павильончиков, сварганенных на скорую руку из обрезков самых разнообразных материалов, от стекла и бетона до картонных коробок, припиленных к дырявой стене степлером. Вокруг витал устойчивый запах рыбной требухи. Олеся поняла, что Мишлена не будет и что ее просто развели. Она слезла с жесткого седла и ойкнула от боли в паху. От напряжения она так сжимала ноги во время езды, что натерла все те части тела, которые соприкасались с сиденьем. Хмурая Олеся ежилась, как от холода, и недовольно озиралась вокруг. Она, конечно, могла предположить, что Мишлен не водится в подобной глуши, но чтобы вот так быть заброшенной в трущобы тропического Шанхая в надежде перекусить, такого она не могла предположить даже в страшном сне. С этим мальчишкой все было не так.

Алекс меж тем припарковал свой мопед и, коротко кивнув какой-то пожилой самаритянке, обретающейся неподалеку с вечной улыбкой на лице и перманентом на голове, вручил ей монетку и перекинулся парой фраз на языке, который Олеся не смогла идентифицировать. Аборигенка радостно закивала и залопотала что-то в ответ, маша корявой коричневой рукой.

– Разумеешь местную мову? – спросила Олеся своего гида с недоверием.

– А то! Я в этом пионерлагере на три смены.

Олеся хмыкнула.

– Откуда знаешь про лагерь?

– Папа рассказывал, – Алекс усмехнулся и, оглядев слегка пошатывающуюся пассажирку с ног до головы, покачал головой.

– Прикид-то опять непутевый. На, накинь, – он стянул с себя рубашку и набросил Олеся на плечи, обнажив свой загорелый торс.

– Ты куда меня привез, отморозок? Что это за место?

– Хорошее место, тебе понравится. А ты молодец, держишься, многие хуже тебя реагировали, но в конечном итоге здесь всем нравится.

Олеся представила загорелую нимфу в бикини и на мопеде, с натертыми до крови ляжками и отплеывающуюся от дорожной пыли, и почувствовала злорадное удовлетворение, но на всякий случай спросила:

– Кто это многие?

– Не бойся, я сюда вожу только избранных, примерно каждую пятую, – сказал Алекс и потянул ее за руку.

– Это рыбный рынок? – повела носом ворчливая Олеся.

– Не совсем. Пошли, сейчас все сама увидишь.

Они протиснулись сквозь узкий проход между палатками и оказались на неширокой улице, тянущейся вдоль залива. От нее в разные стороны убегали переулки и начинались новые улицы, образовывались площади и замыкались тупики, петляли дорожки и уходили вдаль могучие проспекты. Весь этот лабиринт собирался в квартал за кварталом, ширился, отхватив от города жирный кусок припортовой зоны, ничем не отличающийся от обычного района, кроме одного – аквариумов. Вместо внутренних стен, там, где в обычных домах стоят горшки с цветами и висят занавески, вдоль всех одноэтажных и двухэтажных палаток располагались огромные аквариумы, по два и по три в ряд, полные самых фантастических существ, которых не увидишь ни в одном городском маремагнуме.

У Олеси запестрило в глазах. Пять минут она еще следовала за своим проводником молча, сворачивая с улицы на улицу, – пустынные в этот час, они все еще жили своей таинственной жизнью, – и все ждала, когда сказка закончится и прекратится мелькание хвостов, клешней и плоских тел, но этого не происходило. Волшебство казалось бесконечным. Наконец она выдохлась.

– Сдаюсь! Это просто невероятно! Здесь же целый город! Море вылезло на сушу.

Алекс засмеялся.

– И все это можно попробовать!

– Как? Прямо сейчас? Но уже восемь! Все закрыто.

В ответ на ее недоумение он толкнулся в первую попавшуюся палатку. Дверь была открыта, и на звук чужой речи из нее тут же, как чертик из волшебной табакерки, высочили хозяин и еще один туземец поменьше, точная копия своего родственника.

Они заулыбались и заворковали о чем-то своем, когда Алекс заговорил с ними, позвали пожилую даму, спавшую тут же на коврик под емкостями с рыбой, и та, смысл жизни которой, по-видимому, состоял в том, чтобы кормить покупателей в любое время суток, немедленно приступила к Олеся с расспросами на своем голубином наречии. Олеся не понимала ни слова, а только кивала и ежилась от смущения, не привыкшая к такому гостеприимству.

– Что ты трясешь головой как китайский болванчик? Мадам Вон спрашивает, что тебе приготовить из этого аквариума, – пнул несчастную Алекс.

– А мы их не очень обеспокоим? – все еще сомневалась оглушенная Олеся.

– Не очень. Ты сейчас обеспечишь их семью куском хлеба на весь завтрашний день. Я думаю, теперь, даже если ты и захочешь уйти, они тебя живой не отпустят, закроют на смерть.

Олеся взглянула на мадам Вон, и та еще активнее закивала, как бы в подтверждение слов Алекса.

Олеся выбрала самого большого и пучеглазого омара и пару морских огурцов с жирными пупырчатыми, как у настоящих огурчиков, телами. Ее провожатый заказал коктейль из самых разнообразных морских гадов и бутылку местной рисовой водки, сильно смахивающей на самогон.

Они расположились тут же за щербатым и выдавшим виды пластиковым столиком, присев на шаткие табуретки, пока хозяйка ларька колдовала возле аппетитно шкворчащей жаровни.

Олеся не выдержала и подошла посмотреть, как происходит священное жертвоприношение ее омара с последующим его огненным крещением в округлом чугунном котле, водруженном прямо на открытое пламя. Она не успела ничего понять, а видела только мелькание разноцветных кусочков чего-то необыкновенно пахучего, источающего сок, от которого по всему желудку прокатилась волна оргазма.

Томная, полная запахов тропическая ночь, старая пластиковая столешница и бумажные тарелки с огрызками салфеток, фонарики, которые качались под легким вечерним бризом, почти неслышным и нечувствительным, но все же доносящим запах океана, – все это превращало обычное поглощение пищи в самое что ни на есть высокое удовольствие, неповторимое, как прожитый день.

Поначалу осторожная Олеся ни за что не хотела попробовать местной водки, но Алекс настоял, и, выпив пластиковый стаканчик мутно-белой бурды со странным травяным привкусом, запив ею жирный кусок морского огурца, ей пришлось даже зажмуриться от взрыва вкусовых рецепторов во рту. Гормоны счастья зашкаливали и штурмовали мозг. Такого гастрономического экстаза Олеся не испытывала еще никогда. Она очнулась только после второго стакана, когда почти все уже было съедено, а бутылка живой воды закончилась.

Алекс расплатился и, поблагодарив всю семью Вон, вышедшую их проводить, повел свою даму вниз, к набережной, так как наевшаяся до отвала Олеся ни за что не соглашалась сесть на мопед. Необходимо было прогуляться. И они пошли, не торопясь, не замечая направления и следуя только своей интуиции да общему наклону улиц, туда, откуда дул свежий теплый ветер и где, вращая единственным глазом, из глубины залива поднималось морское чудище, приветствуя корабли и предупреждая их о том, что им некуда больше спешить, так как они уже достигли своей гавани. Маяк ритмично полыхал в кромешном мраке, ослепляя странников неожиданной вспышкой.

– Давно ты здесь живешь? – поинтересовалась Олеся, провожая взглядом его ускользающий луч.

– Года три.

– А до этого?

– А до этого был Бали. И после тоже что-нибудь будет.

– Ты хочешь уехать?

– Сейчас нет, но, возможно, потом захочу.

Олеся повела плечами.

– Ужасно так жить. Я бы не смогла. Без работы, без друзей...

– И то и другое при желании можно найти где угодно.

– Ну нет! Я уже четыре дня без мобильного как без рук, оторвана от жизни. Сегодня звонила через коммутатор прямо из номера. В Москве идет снег.

Олеся шла медленно, задумчиво поводя плечами под тонкой рубашкой. Она чувствовала, что могла бы гулять так до самого утра, но, как это обычно водится, для тех, кто никуда не торопится, дорога становится в два раза короче.

За ее спиной восставал призраком большой город, едва различимый, почти неслышимый из-за направления ветров и расстояния, мерцающий лентами окон далеких небоскребов, их рекламными огнями и вертолетными площадками. Выгнутая спина гигантского моста через залив, темная, еще недостроенная, но уже пугающе футуристическая, доминировала справа, угрожая издали хрупкому рыбному кварталу. А впереди лежал сумрак ночи, густой, как печеная сажа.

Набережная оказалась обычной бетонкой с парапетом и убегающим вдаль к маяку деревянным понтоном, поскрипывающим на легкой волне. Немного поколебавшись, Олеся ступила на доски, вслед за Алексом сняв свои мокасины.

– А что ты делал на Бали?

Они не спеша шли по узкому настилу, окруженные со всех сторон жирной темнотой дышащего океана.

– Фотографировал, продавал снимки в журналы, иногда писал статьи, – Алекс присел на край понтона.

Подумав немного, Олеся притулилась рядом.

– И что, печатали? – спросила она с интересом.

– Конечно. А что тут удивительного? – депутатский ребенок равнодушно зевнул.

– Не знаю, я так далека от творчества. Захоти я написать что-нибудь, я бы всю голову себе сломала, о чем писать и как?

– Напиши обо мне.

Алекс замолчал и стал вдруг таким далеким. Он сидел, съевшись, похожий на больного воробья. Олеся даже стало его жалко, в ней опять заговорил материнский инстинкт. Она накинула на него рубашку и провела рукой по жестким от соли волосам.

– А что ты хочешь, чтобы о тебе написали? – спросила она.

– Роман.

– Роман? – удивилась Олеся. – И о чем же? О том, как ты тухнешь здесь без дела и не знаешь, чем заняться?

– Нет, о том, как я однажды влюбился в одну старую и одинокую макаку, которая искренне считала, что смысл жизни в том, чтобы перекачивать туда-сюда деньги через свои подставные фирмы, покупать новую недвижимость и опять продавать, только уже выгоднее, заводить женатых любовников и от безысходности выть на луну, когда они ее кидают. И так без конца.

– Ну знаешь, – Олеся фыркнула от возмущения, – даже слово «влюбился» не спасет тебя от моего праведного гнева. Я бы лучше написала о молокососе, который только и делает, что

мotaется по миру и трахает все, что движется, прожигая деньги своего отца, который бросил мать, и та умерла, в результате чего у этого мальчишки развилась бракофобия.

Это был удар ниже пояса, и Олеся почувствовала, что перегнула палку, но что самое главное – она не испытала удовлетворения, какое она обычно чувствовала, когда ей удавалось поставить на место какого-нибудь наглеца. Еще больше она расстроилась, заметив, что ее провожатый поднялся и удаляется прочь в обратном направлении, не сказав ни слова. Она окликнула его, но мальчишка даже не обернулся. Пришлось забыть свою гордость и кинуться его догонять. Иначе можно было остаться ночевать где-нибудь под кустом, с него станется.

– Хорошо, извини, мне не следовало говорить о твоих предках. Я признаю, я перестаралась, – бубнила она, семеня за Алексом следом, пока тот вдруг резко не затормозил.

– Я думаю, у тебя синильное старческое слабоумие.

– Да что тебе мой возраст никак покоя не дает?! – опять взвилась она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.